

Анна Белинская

для Тадалка
ХОЛОСТЯКА

Анна Белинская

Гадалка для холостяка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69492022

SelfPub; 2024

Аннотация

Илья Миронов – молодой преподаватель Политеха и патологический холостяк. Такой статус его полностью устраивает. Но не его бабулю, которая ждет правнуков, и каждую неделю собирается на тот свет. Хитрая Аглая Рудольфовна просит Илью исполнить ее последнюю волю и сходить вместе с ней к ясновидящей, чтобы узнать будущее любимого внука. Яна Решетникова – предприимчивая неунывающая студентка Политеха, у которой совершенно не складываются отношения с принципиальным доцентом Мироновым Ильей Ивановичем. Но в один день она узнает о преподавателе кое-что интересное и начинает нагло этим пользоваться!

Содержание

Глава 1. Богиня автовокзальной столовки и расточительница ломбардов	4
Глава 2. Несговорчивый доцент	11
Глава 3. Хронический холостяк	26
Глава 4. Степан Васильевич	36
Глава 5. Потомственная гадалка в седьмом поколении	44
Глава 6. Студентка, официантка, ясновидящая!	62
Глава 7. Добрый вечер и спокойной ночи!	71
Глава 8. Встретились как-то доцент и профессор...	82
Глава 9. Ночной визитер	89
Глава 10. Доброе утро!	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Анна Белинская

Гадалка для холостяка

Глава 1. Богиня автовокзальной столовки и расточительница ломбардов

Из полудремы меня выдергивает отбивающий на столе чётку вибрирующий телефон. Приоткрываю один глаз и обреченно закатываю его обратно.

Перерыв между парами я хотел потратить на пятнадцатиминутный отдых, а придется выслушивать очередной бред.

Протерев ладонью лицо и взъерошив волосы, принимаю звонок:

– Да. Слушаю.

– Илюша, это ты, сынок? – умирающим голосом спрашивает Аглая Рудольфовна, моя бабушка по материнской линии.

– Я, бабуль, я... – Прикрываю рот и зеваю.

– Ох, что-то не признала тебя, милый! – ропщет бабуля. – Я тебя не отвлекаю?

– У меня перерыв. Слушаю внимательно.

Относительно внимательно. Бросив взгляд на наручные часы, замечаю, что до семинара у бакалавров-третьекурсников остаётся менее семи минут. А значит, с минуты на минуту аудитория наполнится галдящими студентами.

– Хорошо, милый, – кричит Аглая Рудольфовна.

– Бабуль, что случилось? – Устало смотрю в окно. Мелкий снег ненавязчиво кружит в воздухе, убаюкивая. Конец марта, но в Москве не пахнет весной. Пахнет очередной депрессией и авитаминозом у москвичей, а мне, по большому счёту, ровно. Я не поддаюсь погодным провокациям и не жду обещанных прогнозов. Я дышу по типу «живем один раз», так стоит ли растрачивать свое время на лиричное уныние?

Мои глаза слипаются, хоть спички вставляй. До полуночи я снимал напряжение в теплом молочном теле очередной моей новой подружки на разок, а после, проводив Веронику-Марину-на-вечер, просидел до трех часов ночи, проверяя контрольное тестирование у энергетиков.

– Всё. Это конец, Илюш, – вздыхает ба.

Закатываю глаза и, смачно зевнув, откидываюсь на спинку стула.

– Бабуль, это уже третий конец. И, заметь, только за эту неделю, – равнодушно вещаю и вновь смотрю на часы.

Если мы собираемся обсуждать подошедший срок ее кончины, то это может растянуться на годы. Собственно, Аглая Рудольфовна уже как года три беспрерывно собирается на тот свет. У нее заготовлена сумка на этот случай, ожидаю-

щая в прихожей у двери.

– Нет, Ванюш, я чувствую. В этот раз – точно. Мой час пробил. – Слышу звук опустошенного сливного бочка и морщусь: опять из туалета звонит.

– Илья, ба. Я Илья.

Она прекрасно знает кто я. Когда хитроумная Аглая Рудольфовна называет меня именем моего почившего деда, она лишь предусмотрительно сгущает краски. Для каких-то своих целей. И я с интересом жду, какова цель в этот раз.

– Ах, точно. Илюша, внучок! – Мне снова хочется закатить глаза, но вовремя вспоминаю слова всё той же бабули, когда в детстве она пугала меня байками, что если часто так делать, то глаза могут не вернуться обратно. Не знаю, как, но это работает. – Вот видишь, память совсем стала подводить старую, никому не нужную бабуку. – Хлопает дверью и громко шаркает тапками.

Ну, конечно.

Я все-таки закатываю глаза.

С памятью у Аглаи Рудольфовны полный порядок. Она помнит, по какой цене продавалась селедка в прошлом месяце, может запросто назвать курс доллара шестилетней давности и перечислить все дни рождения звезд нашей эстрады, начиная с Шаляпина. Того, который постарше.

Так что эти сказки про старческий склероз пусть рассказывает своим подружкам по сплетням. А у нее их, к сведению, целый автопарк, вагон и приличная тележка. И это то-

же к тому, что она – старая, никому не нужная бабка.

Бабуля большую часть своей жизни проработала в столовой при автовокзале поваром. Ее знали и уважали все – от шофера до вокзального бомжа. Ей поклонялись местные собаки, которых она подкармливала объедками, отдавали приветствие сотрудники правоохранительных органов, патрулирующие вокзал, за вечерние подгоны остатков колбасных обрезков и мясных вырезок, целомудренно сэкономленных на гуляшах и киевских котлетах для пассажиров. Она одна, без посторонней помощи, готовила блюда для празднования свадьбы дочери заместителя мэра лет тридцать назад. Ей целовал руки сам Иннокентий Смоктуновский, когда обедал в здании автовокзала перед рейсом Москва-Кисловодск. Но, думаю, сей факт своей биографии Аглая Рудольфовна фантазировала. Хотя...

На пенсию Миронова Аглая Рудольфовна вышла сразу, как пробил пенсионный возраст. Она всю жизнь протаскала кипящие котлы весом с тонну, отчего нахватала кучу всякой хвори: и остеохондроз, и артроз, и сколиоз, и межпозвоночную грыжу. Но сидеть без работы для бабули сродни плену. Поэтому она устроилась в ломбард неподалеку от нашего дома ночным сторожем. Ох, и зажили мы тогда с бабулей! Как вспомню! Девяностые, я – школьник, дефицит в стране, но не в ломбарде! В ломбарде было все – от банки с ржавыми шпротами до черной икры. Я, единственный в классе, щеголял в настоящих заморских кожаных туфлях благодаря та-

моженному конфискату.

Весь конфискованный товар сплавляли в ломбард, там он долго залеживался, уценялся и растаскивался между своими по дешевке. А уж сколько золотых украшений бабуля наклепала из сданных зубных коронок – не счесть!

Короче говоря, Аглая Рудольфовна – мировая бабуля! Но со своими приветами.

Она вырастила меня практически в одиночку. Моя мать родила меня в юном возрасте, когда ей только исполнилось восемнадцать. Поздний ребенок Мироновых Аглаи и Ивана был долгожданным, но, как говорит сама ба, бесполезным и, как оказалось, ненужным. Мать попила кровушки у деда с ба в детстве и, только закончив школу, родила меня – Илью Миронова. Кто мой папаша, известно лишь моим ДНК, но они упорно молчат, так же, как и моя мать.

Сбагрив меня своим родителям, молодая мамаша улетела в Сочи устраиваться горничной на Красной Поляне. Там она познакомилась то ли с Вазгеном, то ли Гургеном и там же обитает по сей день.

Ба с дедом до его смерти воспитывали меня как могли. Я ни в чем не нуждался, даже в материнской любви. У меня было всё, что нужно мальчишке: любовь близких, уютный дом, горячая еда, велосипед и дедовская шинель, которую я периодически примерял. А когда набегам к нам заявлялась мать, я испытывал панический страх. Мне казалось, что каждый раз она приезжает, чтобы забрать меня с собой, но,

как оказывалось, мать приезжала рассказать, как они с Хафизом хорошо живут, похвастаться нарядами и занять у бабушки денег.

– Бабуль, ты опять начинаешь?! Ближе к делу, у меня пара начнется через несколько минут! – раздраженно бросаю.

Я уважаю, люблю и ценю Рудольфовну. Для меня она была, есть и остается самым близким и родным человеком на свете, ради которого я готов свернуть горы. Но когда она заигрывается, я не поощряю.

– Да-да, сынок. Я хочу, чтобы ты сегодня ко мне заехал, – просит Рудольфовна и демонстративно начинает кашлять в телефон, отчего мне приходится отвести трубку подальше от уха.

Так происходит всегда, когда возникает экстренный случай. Мы с ба условились, что я навещаю ее два раза в неделю по будним дням и один в выходной. Но если возникает критическая ситуация, я, безусловно, всегда на старте.

На этой неделе тариф посещений израсходован, поэтому у бабули в загашнике остался лишь чрезвычайный случай. И она им решила воспользоваться.

– Что случилось?

– Это нетелефонный разговор, Илюш. Приезжай и поговорим, – кричит Рудольфовна.

Размышлять и спорить мне уже некогда, потому что я уже слышу, как к двери начинают стекаться студенты.

– Ладно, ба. Заеду после семи. Годится?

– Годится, сынок, годится, милый. И не забудь товар, – очень даже живенько бросает вдогонку ба и отключается, будто только что не умирала.

Усмехнувшись, ставлю на телефоне напоминалку «Товар» и поворачиваюсь на звук вваливания в аудиторию первых студентов.

Глава 2. Несговорчивый доцент

– Брось меня, Решетникова, я больше не могу! – задыхается Авдей и упирается ладонями в колени, сгибаясь в три погибели. Парень запыхался и дышит тяжело, обливаясь потом, пока мы бежим из одного крыла учебного корпуса в другой.

Нас задержали на практикуме по технологическим наладкам и испытаниям, будь они прокляты! Вернее, это мой одноклассник Авдей задержался, дописывая за меня эксплуатационный расчет и сводя его в таблицу. Поэтому я останавливаюсь и дружелюбно жду тучного парня с мелкими бисеринками пота на лбу.

Смотрю на время в телефоне, показывающее, что до начала семинара остается ровно одна минута, и я готова принять предложение своего одноклассника и бросить боевого товарища. Но моя совесть стучит мне по темечку, напоминая, что учиться мне с отличником Авдеем Мавдейкиным еще полтора года.

– Нет, командир. – Подхватываю парня и закидываю его огромную лапу себе на плечо. Ноги подкашиваются, а в нос ударяет запах невыносимого пота. *Буэ-э-э!* – Своих не бросаем, – вру я и морщусь.

«Терпеть, Решетникова, Бог терпел, велел нам терпеть!»

Кто за тебя будет величину для водотрубных котлов, допускающих шарошипение, искать?» Поэтому молча напряглась, собралась и задержала воздух как минимум минуты на две, потому что мокрая подмышка Авдея пялится на мое ухо.

– Ты такая сильная, Янка! – лыбится одноклассник. – И пахнешь вкусно. —Парень наклоняется и шумно втягивает запах моей макушки.

Пф-ф! С первым утверждением согласна на все сто. Если бы Мавдейкин побегал столько, сколько ношусь я с подносами между столиками, тоже бы подкачался и, возможно, схуднул! И я бы сейчас не корячилась, волоча это брэнное рыхлое тело. А насчет второго – спорный вопрос, потому что теперь я, вероятно, пахну Мавдейкиным Авдеем и его потом.

– Давай-давай, шевелись, – передернув плечом, скорчиваю мину, отвернувшись в сторону, чтобы Авдей не заметил.

Сумка падает на локоть, а прядь светлых волос сползает на глаза. Сдуваю ее и вздрагиваю от трезвонящего, раздражающего перепонки звонка.

Вот же велкопоповицкий кОзел!

Нужно ускориться, потому что сейчас у нас начнется пара у самого несговорчивого преподавателя курса.

За неполных три года обучения ни с одним преподавателем у меня не было проблем. И только с Мироновым Ильей Ивановичем у нас не случилось взаимной симпатии.

Как только последний входящий в аудиторию одноклассник тянет за собой дверь, входим мы с Мавдейкиным.

Занимаем первую пустую парту. Я бы с огромным удовольствием забилась повыше, можно даже в космос, но у Мавдейкина туго со зрением, поэтому мне тоже приходится сидеть за партой для ботанов. Потерять пригретое место рядом с отличником для меня роскошь непозволительная. Мне и так еле удастся выдерживать на себе его масляные взгляды. Я думаю, что мой одноклассник считает, что у нас с ним, типа, отношения. И пусть считает, мне это выгодно, когда три года Мавдейкин решает за меня все контрольные и расчетные домашние работы.

– Здравствуйте, Илья Иванович.

– Доброе утро.

– Здравствуйте.

Аудитория приветствует Миронова, которому, к слову, равнодушно. Даже если бы с ним никто не поздоровался, он бы не заметил, впрочем, как и всех нас в классе. Он кивает в ответ, не отрываясь от своего телефона.

Вообще, он ведет себя так, будто каждый раз его заставляют идти на пары под дулом гранатомёта.

Для него каждый из нас – такая же мебель, как эти деревянные парты.

Он не выделяет абсолютно никого. И даже меня.

Когда после зимних каникул я увидела Миронова впервые, у меня защипало глаза. В тот момент мне подумалось, что красавец с обложки глянцевого журнала, звезда рилс инсты, случайно заблудился в нашей аудитории, выискивая

фотоагентство.

На моей специальности преподают исключительно профессор-старички, инженеры-заумники и кандидаты наук. И какова была моя радость, что среди всего этого пенсионного фонда затерялся молодой привлекательный препод!

Я ошибалась.

С нашими старичками найти общий язык оказалось легче, чем с этим красавчиком-снобом.

К слову, наверное, стоит рассказать о себе, о вузе, в котором я обучаюсь, и направлении подготовки, выбранном мной не случайно.

Вообще, в моей без полутора месяцев двадцатидвухлетней жизни всё не случайно, а четко продумано и выверено. На волю случая рассчитывать нерационально в моем случае, когда в кармане моей худой куртки ни копейки, а в холодильнике гуляет запах сырокопчёной колбасы, оставшийся после предыдущих квартиросъёмщиков. Это, конечно, я утрирую, но смысл понятен.

Итак, меня зовут Решетникова Яна, и каждый свой шаг я стараюсь обдумывать и просчитывать. Если бы не мое умение выкручиваться и приспосабливаться, уверена, Москва уже давно бы меня пережевала и выплюнула вместе с моими кроссовками, которые я ношу третий год и подклеиваю супер-моментом. А пока я стою у нее поперек горла костью и не собираюсь её покидать.

Всё потому, что у меня есть цель.

Эту цель я поставила себе еще в двенадцать лет, когда осознанно решила, что донашивать за двумя старшими сестрами куртки и обувь мне не нравится. Я выросла в городе за двести двадцать километров от столицы. Бывший железнодорожный узел теперь называется городом, в котором подростки до сих пор колбасятся под Децла, а автобусы ритуальных услуг «Зодиак» вояжируют по улицам чаще, чем маршрутки. Кроме стариков, алкашей и скинхедов в нашей деревне никого не осталось, потому что те, кто поумнее и помоложе, перебрались в Москву. Здесь – жизнь, деньги и всё то, о чем я могла мечтать в детстве и о чем мечтаю сейчас. Я с двенадцати лет знала, что после получения аттестата и сертификатов ЕГЭ сразу покину родные пенаты. Так и произошло. Меня никто не отговаривал, не удерживал и не запрещал. Я всегда выбивалась из уклада нашей семьи. К слову, она у меня большая: родители, я и три сестры. Я – третья по старшинству. Две мои старшие сестры давно обзавелись семьями, нарожали детей и живут в соседних деревнях. Их, как и моих родителей, устраивает всё: работа в местном продовольственном магазине, дети в садах и школах, муж на диване и «Птичье молоко» по праздникам. На мои рассказы о Москве сестры крутили пальцем у виска, а маман даже как-то сказала: «Янка, ну какая Москва?! Кому ты там нужна?! Разве что жирных толстосумов ублажать, а полы мыть и здесь можно». Так себе перспектива, ага.

Нет, я была не согласна. Пусть высоким интеллектом я и

не обладаю, но мозги у меня есть. Мне пришлось в себе их прокачать, чтобы выжить в условиях, в которых я существовала до восемнадцатилетия. У меня нет обеспеченных родителей, нет денег и наследства, но у меня есть молодость, красота и хитрость.

Я приехала в Москву в восемнадцать лет с одним рюкзаком за спиной, двадцатью тысячами на карте и огромными надеждами, которые разбились в первый день моего приезда, когда ночевать мне пришлось на вокзале.

Целый год я потратила на выживание. Рассказывать, как мне было тяжело и трудно, можно долго. А жалеть себя не имею времени и возможности.

Ни о какой учебе речи не могло быть, так же, как и о возвращении домой. Я поклялась себе, что в свою деревню не вернусь. Поэтому я пошла работать.

За первый год пребывания в столице кем я только не работала, чтобы себя прокормить! Я успела побыть аниматором, пока меня не поперли за то, что закусилась с пятилетним пацаном на тему существования Деда Мороза. Причем мелкий говнюк с пеной у рта гнул за то, что он лично его видел, а я доказывала ему, что всего подарки под елкой – дело рук его родителей. Короче, меня пнули пинком под зад, даже не оплатив рабочие часы.

Потом я устроилась в доставку еды. Ну знаете чувака с огромным баулом за спиной на электровелосипеде? Ага, вот типа таким я и работала, только велосипеда у меня не было, и

я была злая, как почтальон Печкин, когда неподъёмный чемодан пару раз перевесил и чуть не одарил меня сотрясением мозга. Но конец моей карьере доставщика закончился окончательно тогда, когда парни из ближнего зарубежья чуть не отметили меня в подворотне за то, что я отбирала, якобы, у них заработок. Я помню их слова после того, как они толпой отобрали у меня сумку: «ПАНАЕХАЛИ! Это наш Масква, поняль? Чтобы моя тебя тут не видель».

«Еще как поняль!» – кивала я и бежала, как трусливый заяц.

А потом я увидела объявление о наборе официанток с привлекательной внешностью в ночную смену в бар, в котором по сей день и работаю. Я пахала ночами, обслуживая столики с пьяными компаниями, разодетыми охотницами за толстыми кошельками и наглыми мажорами-красавчиками. Наблюдала, присматривалась и поняла две простые истины: чтобы хорошо жить в Москве нужно либо иметь хорошее образование, а дальше, соответственно, перспективную работу, либо удачно выскочить замуж.

Второй вариант мне показался наиболее выполнимым. Но рисковать я не могла, поэтому решила пойти обоими путями одновременно.

Так у меня появилась еще одна цель: учеба – богатый жених.

Свои возможности я оценила объективно и поняла, что поступить на бюджет с моими баллами мне светит только

в другой жизни. В этой же мне нужны были деньги, чтобы оплачивать учебу. Мне пришлось затянуть потуже пояс, который на мне и так висел, и откладывать всю зарплату, перебиваясь заработанными чаевыми.

Следующим моментом стал вопрос выбора учебного заведения. И сделать это с моим рабочим графиком не составило труда. Ночью я пахала, днем паслась по вузам. Самые крутые я отсекала сразу. Коммерция там стоит столько, что даже если бы я продала почку, мне бы все равно не хватило. Поэтому я составила список из тех учебных заведений, где сумма оплаты за год меня не убивала, а всего лишь заставляла подергиваться левый глаз. Я провела расследование по выяснению, в каком вузе из моего списка учится больше всего студентов мужского пола, и остановилась на политехе. Изучила на сайте предлагаемые направления подготовки и специальности и осталась крайне довольна: и вышку получу, и женишка себе присмотрю.

В общем, моих накоплений хватило только на оплату самого дешевого курса во всем политехе. Таким образом, я стала студенткой направления «Теплоэнергетика и теплотехника». И на этой специальности девочка только я, которую до доцента Миронова все холили и лелеяли.

Стоит сказать, что жениха я себе не нашла, потому что на этой специальности, как оказалось позднее, учатся либо такие ботаники, как Мавдейкин, либо неудачники, которым не хватило баллов поступить на специальность покруче, либо

полунинищие, как большинство, либо нищие, как я. Весь мажорский состав околачивается в других корпусах, и эти специальности, как правило, в сфере IT-технологий и экономики.

На свою специальность я не жалуюсь, хоть ничего в ней и не понимаю. Наши старички ко мне снисходительны и дружелюбны, а уж мне не сложно одаривать их милыми улыбками и строить им печальные глазки.

Всем, кроме Миронова.

У нас уже было две контрольные точки, которые я благополучно просрала. Мои жалкие потуги по соблазнению пролетели над доцентом Мироновым, как истребители над головами. Он не дает мне никакого послабления и дрючит со всеми наравне.

Повторюсь: я для Ильи Ивановича такая же пыль от мела, как и любой другой.

И даже моя внешность, короткие юбки и томные взгляды его не сломили. Я считала, что раз он такой мажор, то обязательно должен быть падким на смазливых девочек, но каждый раз Миронов смотрит на меня, как на стюардессу, показывающую технику безопасности, то есть вообще не смотрит. Поэтому стратегию флирта пришлось сменить на «не отвечивать». Но делать это чертовски сложно, когда у Мавдейкина минус два с половиной и первая парта забронирована им.

– Разбирайте. – Миронов кивает на стопку бумаг на краю

стола, не выпуская телефона из рук. Вероятно, это наши тесты, которые мы писали на прошлом семинаре.

Аудитория наполняется галдящими звуками и скрежетом выдвигаемых стульев. Я тоже встаю и подхожу к преподавательскому столу, чтобы найти наши с Авдеем работы.

Одногруппник Максим благородно находит фамилии и передает мне два листа.

Иду к своему месту и не смотрю в листок.

– Что у тебя? – сажусь и заглядываю в работу Мавдейкина, у которого выведена аккуратная витиеватая тройка, а рядом – количество баллов.

– Фу-у-ух! – облегченно стирает со лба пот одnogруппник.

Если у Мавдейкина три, то не сложно догадаться, что у меня. Нашу с Авдеем компанию по взаимному подспорью Миронов злорадно раскусил, и мне пришлось свой тест писать самостоятельно.

Ну как писать... Я просто наобум ставила галочки, надеясь, что хотя бы несколько раз попаду.

Мне неудобно признаваться, но за три года обучения в вузе учебники я открывала только в первом семестре первого курса, когда у нас был цикл общеобразовательных дисциплин. Тогда я еще пыталась учиться. А после зимних каникул в нашу программу стали добавляться профильные предметы, которые для меня стали темным лесом с непроходимыми тропами. Клянусь, за это время я прочитала только два вида литературы: первая – это меню в баре, в котором

я работаю, и вторая – оккультная мутотень, которую изучаю сейчас.

Ревностно отдаю Мавдейкину его работу. Получить тройку у Миронова сродни высшему баллу.

С отяжкой переворачиваю свой лист, и мои глаза ползут на макушку, потому что рядом с баллами, которыми можно подтереть себе задницу, зияет вычурная единица с плюсом.

С ПЛЮСОМ.

А ниже – приписка, вероятно, для меня: – *Плюс – за правильность написания своего ФИО.*

Он что, считает меня настолько тупой?

Поднимаю глаза и встречаюсь с его. Это невероятно обескураживает, и я краснею. За полтора месяца он смотрел на меня, как в прозрачное стекло, то есть сквозь. А сейчас в его глазах я вижу скачущие смешинки. Уголки его губ дергаются, но это настолько мимолетно, что, возможно, мне и показалось.

Боже!

У меня проблемы!

У меня, черт возьми, надвигаются конкретные проблемы, потому что из-за этого холеного говнюка допуск к сессии встает под жирный вопрос. А если он не допустит меня до своего экзамена? Если загоняет по пересдачам, а в итоге я не сдам и меня отчислят?

Начинаю панически метаться. В голове рванными хлопьями сыплются картинки, как я еду на электричке со всем сво-

им немногочисленным бараклом домой. Туда, куда обещала себе и всем не возвращаться.

Нужно брать себя в руки! Прямо сейчас!

Я умею это делать и отлично справляюсь с паникой. Сделав несколько глубоких выдохов, смотрю на спину Миронова, который молча выписывает какие-то космические формулы на доске.

Я скольжу по его потрясной фигуре. И хоть я его не перевариваю, стоит признать, что Илья Иванович будто слеплен профессиональной рукой скульптора. Он идеален.

Внешне.

Святой теплонасос, я видела его фотографии в профиле соцсети! Их немного, но один снимок, где наш доцент отдыхает на фешенебельном курорте в компании друзей, до сих пор периодически снится мне ночами, заставляя утром сплунуть три раза и постучать по деревяшке. На фото Иван Иванович в плавательных коротких шортах и с голым торсом, о который хочется потереться, как о доску для ручной стирки. Его кубики вызывают головокружение. И пока он молчит, он выглядит как бог. Бог мужской красоты в свои лучшие годы.

И я не понимаю, какого черта это божество делает у нас на курсе, а не сидит, скажем, на вилле в Италии с мулатками в обнимку.

Белый свитер натягивается на лопатках. Тонкие джинсы выгодно облепляют зад. Не нужно быть математически под-

кованной, чтобы высчитать, сколько бабок стоит весь его шмот.

Как-то я видела его тачку. В машине, на которой приезжает доцент политеха, можно жить. Я бы точно в ней поместилась, потому что сейчас мое спальное место в несколько раз меньше его салона.

Что он здесь забыл?!

Специально, чтобы подвинуть мою мечту? Ведь всё так было хорошо три курса, пока не появился этот, постоянно улыбающийся своему телефону!

Он задает нам задачи, а сам всю пару пялится в айфон и улыбается. Кому он улыбается? На его пальце нет кольца, но это ни о чем не говорит. Я знаю московских мужчин, успела познакомиться, работая официанткой. Знаю, как женатый может молниеносно переквалифицироваться в холостяка или вдовца, которого нужно сиюминутно приласкать и пожалеть.

Знаю, плавали!

Набросав нам задач, Миронов садится за свой стол и утыкается в телефон.

– Будут вопросы – спрашивайте, – безэмоционально делает нам одолжение.

Но спрашивать никто никогда не решится, потому что каждый из нас и так чувствует себя в этой аудитории инвалидом. Умственным.

Илья Иванович только с виду кажется недалеким мажо-

ром, но стоит ему открыть рот, как мозг взрывается.

Он умный. Он очень умный.

Умный красавчик с говнистым характером. Природа нашла, чем его обделить.

Эх...

Тупо смотрю на доску, а потом – в свою пустую тетрадь. Я не знаю, как решать.

Очевидно, на лекции он рассказывал принципы решения, но на лекциях я сплю, в том числе и на его. Когда-то же мне надо отдыхать?!

– Подобные задачи будут на экзамене, – оповещает Мионов, не смотря на нас. Его внимание поглощено телефоном, по которому он стучит пальцами, вероятно, набирая сообщение.

Мне от этой новости не легче.

Но я придумаю. Я обязательно придумаю, как мне выкрутиться. Я бы не была Решетниковой Яной, если бы сдулась так просто.

– Авдош, – прибегаю к эффективному оружию. Знаю, как Мавдейкин млеет, когда в очень редких случаях я позволяю себе нежности. Сейчас тот самый случай. – Авдоша-а-а! – толкаю одnogруппника, корпящего над задачей, локтем в плечо.

– У вас вопрос? – подскакиваю, когда слышу голос преподавателя. – Спросите у меня и не отвлекайте одnogруппника.

Мионов смотрит вызывающе и хмуро. Сдвинув брови к

переносице, сверлит меня взглядом.

– Эм-м... – «Черт, черт, черт! Яна, думай! Ты и не из такого дерьма выплывала!» – Да, у меня вопрос, – вздёрнув подбородок, решительно отвечаю. – Вторую задачу решать одним способом или двумя?

Господи, что я несу?!

Миронов смотрит на меня, как на дуру, потом – как на удивительную дуру. Затем поворачивается к доске и пялится на ту самую задачу, задумчиво почесывая бровь.

Мое сердце тарабанит, как неумелый барабанщик.

– Если вы владеете двумя, то держьте. За каждый способ – дополнительный повышенный балл.

Теперь он поглядывает на меня заинтересованно. Заинтересованно удивительной дурой, у которой появился шанс подняться на полступени выше в ранге тупизма.

А я смотрю на задачу, которая показывает мне средний палец.

Я понятия не имею, что доцент имеет в виду. Он издевается надо мной, потому что никакого второго варианта нет, или же действительно ждет от меня математического открытия?

Боже, во что я вляпалась?!

Глава 3. Хронический холостяк

Стою под дверью квартиры, в которой прожил всё свое детство. Когда у меня попер в гору бизнес и купить квартиру стало не сложнее, чем выйти за хлебом, я предложил Рудольфовне переехать в новую рядом с моей. Но, по обыкновению, как любят говорить старики, «Где родился, там сгодился. Здесь, Илюша, я прожила всю жизнь, здесь и помру». Ну окей. Я обеспечил бабулю шикарным ремонтом, и моя совесть поутихла.

За дверью доносятся звуки:

*«Вот и прошли года, но мы не старые,
Недолюбившие, сидим усталые.
Весна счастливая, а сколько красок в ней,
Под старой ивою течет, течет ручей».*

И вместе с солисткой затягивает бабуля:

*«Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей,
Течет ручей, бежит ручей»,
И я ничья, и ты ничей* (Н. Кадышева «Течет ручей»).

Усмехнувшись, звоню.

Звуки моментально стихают. Слышу быстрый топот ног

Рудольфовны, будто за дверью носятся подростки, когда родители неожиданно приехали с дачи.

– Кто? – хрипит ба.

– Открывай! Свои.

Один замок, следом – второй, потом три оборота еще одного, цепочка... Закатываю глаза. Защита восьмидесятого уровня. Бабуля переживает, как бы ее не вынесли вместе с шикарным ремонтом и мебелью.

– Илюш, ты? – В проеме показывается голова Аглаи Рудольфовны.

– Я, ба, открывай уже.

Бабушка отступает и раскрывает дверь шире, впуская меня на порог.

Первым делом, пока снимаю ботинки-плейбой-чакка, улавливаю распыленный запах корвалола. Это тоже представление для меня.

Передаю бабуле пакет с гостинцем. Там – по мелочи. На этой неделе продукты я уже привозил, но с пустыми руками никогда ни к кому не пойду. Сама же Рудольфовна меня к этому приучила.

– Раздевайся, сынок, – ропщет ба. – Пойду прилягу, тяжело стоять. Голова кружится.

Аглая Рудольфовна, прижав руку к груди, шаркает, еле передвигая ногами.

Бросив черное пальто на пуф, иду в ванную мыть руки. Кафель блестит, как начищенный самовар, и это тоже дока-

зывает, насколько бабуля обессилена и близка к тому свету.

Направляюсь в комнату, откуда доносится насилиу выдавленный кашель.

Бабуля лежит в постели, вытянувшись струной, – репетиция того, как она будет лежать в гробу. Это мы уже с ней тоже проходили, выбирая удачные позы.

– Илюша, – протягивает свою сухую жилистую руку, – присядь.

Беру стул, сажусь рядом и обхватываю бабушкину ладонь. На ощупь она точно такая же, как я помню из детства: шершавая, мозолистая, но теплая и родная. Только кожа стала сморщенной, а в целом моя ба выглядит отлично, если сравнивать с ее подружками по сплетням. На Аглае Рудольфовне теплые черные колготки, халат-сарафан с рукавом и модная жилетка, которую я привез ей из Норвегии прошлой зимой. Короткая стрижка, аккуратно выкрашенные в пепельный блонд волосы и неизменная оранжево-багряная помада на губах. Сколько помню, Аглая Рудольфовна всегда пользовалась этим оттенком. Ее утренний рацион – встать, умыться, позавтракать, накрасить губы. Даже, если она планирует провести весь день дома, помада все равно дополнит ее домашний образ.

Моя бабуля достаточно высокая и крупная женщина, иначе как бы она смогла таскать кипящие котлы и кастрюли. У нее широкая плечевая кость, но узкие бедра. В нашем роду все крупные: моя мать тоже не Дюймовочка, а дед так и во-

все был под два метра ростом. Поэтому и я не Саша Цекало.

Рядом с кроватью стоит тумбочка, заставленная катастрофически огромным количеством лекарств и аппаратов, которые я ей подарил. Практически все последние праздники я выполняю заказы Рудольфовны: на день рождения – тонометр, на Новый год – глюкометр (слава Богу, ба – не диабетик, но «пусть будет» – как сказала бабуля), на Восьмое марта – дыхательный аппарат, небулайзер, прибор магнитотерапии, кварцевую лампу и много еще всякой фигни, названия которых мне снятся в страшных снах. В ее комнате не хватает только УЗИ-оборудования, и, в принципе, можно было проводить операции и принимать пациентов в домашних условиях.

– Ба, ты хотела поговорить?

– Дай водички, сынок, – просит Рудольфовна и небрежным взмахом руки указывает на тумбу, на которой пристроен стакан. Ба готовилась, значит, будет непростой разговор.

Протягиваю чашку. Бабушка берет трясущимися руками и делает небольшой глоток.

Жду.

Откашлявшись, бабуля прикрывает глаза.

– Илюша, мне осталось немного... —Ну начинается! Для этого она меня позвала? Я бы мог провести этот вечер в плену молодого стройного тела, а не в компании постаревшего. – Ну ты и сам видишь... – Ну да! И слышу, как носилась по квартире и подпевала старому кассетнику.

Но я молчу и жду продолжения. Убеждать ба в том, что она переживет еще и меня, я не собираюсь, потому что она и так это знает.

– Поэтому я хочу, чтобы ты исполнил последнюю волю умирающей, – бьет меня прикладом по темечку. Что исполнил? Волю умирающей? Я надеюсь, она не попросит меня похоронить её рядом со Смоктуновским?

– Снять деньги со сберкнижки? – еле сдерживаюсь я. Ба с каждой выплаты пенсии откладывает по старинке на черный день.

Но Аглая Рудольфовна бросает на меня укоризненный взгляд, и я закрываю рот на засов.

– Ты знаешь, как я тебя люблю, сынок... – Киваю: с этим не поспоришь. – Но мое... сердце не будет спокойно, когда я буду там. – Она показывает вытянутым указательным пальцем вверх. – И буду знать, что оставила тебя одного.

Кажется, я догадываюсь в чем дело.

– Кто о тебе позаботится, милый? – Пф-ф, конечно, мне же три года! – Как я могу умереть, так и не узнав, что нашлась та, которая станет тебе опорой?

Понятно.

Уже несколько лет ба меня сватает: за внучек подруг, за случайных дев, вырезая из газет колонки с объявлениями «Желаю познакомиться». У нее какой-то необъяснимый пунктик срочности моей женитьбы. Но дело в том, что я – убежденный, хронический холостяк, и этот статус меня пол-

ностью устраивает. У меня полно друзей, наглядно ставших примером, как через несколько счастливых лет после штампа в паспорте вся любовь заканчивалась разбитыми вдребезги тарелками и сердцами друг друга. Да что далеко ходить: вот мой лучший друг Саня! Его брак мне казался нерушимым, но даже он сейчас трещит по швам.

Поэтому – нет, сто тысяч раз – нет, по крайней мере, в ближайшие лет сорок!

Моногамия не для меня. Я не смогу принадлежать одной женщине, я слишком люблю их всех: свободных, раскрепощенных, дерзких, готовых дарить и получать удовольствие. Пока у вас отношения в горизонтальной плоскости и ты находишься у нее в списке «потенциальных женихов», она готова на всё! Но как только на ее пальчике начинает блистать камешек, мясорубка мозга обеспечена на годы. Поэтому еще раз – нет!

– Ба, ну зачем мне кто-то? У меня есть ты, – целую руку Рудольфове.

– Не подлизывайся. Меня скоро не станет, и ты останешься один.

– Бабуль, ну хватит, а? – Ну реально надоело! – Ты будешь жить долго и счастливо, уж я об этом позабочусь.

Вмиг рука ба безжизненно выпадает из моей ладони и свисает с кровати. Грудная клетка Аглаи Рудольфовны замирает, а глаза закатываются за веки.

Вздыхаю. Как она это каждый раз проворачивает – без по-

нятия.

– Ладно. Что ты хочешь?

Ба шустро подбирается и смотрит на меня взглядом победителя.

– Илюша, я записала нас на сеанс к ясновидящей, – ошарашивает меня она.

– Ты что сделала?! – подсказываю со стула. – Ты в своем уме?!

Что-то мне подсказывает, что нет.

– Не хами! – Ба резко поднимается и садится, высверливая во мне дыру размером с каньон.

Хожу по комнате, как узник карцера.

Всякий бред я слышал от Рудольфовны, но, чтобы такое?! Уму непостижимо!

– Она сильная. Потомственная гадалка в седьмом поколении, – невозмутимо сообщает ба.

– Пф-ф, это меняет дело! – всплёскиваю руками. – Была бы в шестом, я б еще задумался, а раз в седьмом – однозначно сильная! – иронизирую я.

– Не хами, Илья! – грозно рокошет ба.

– Увидеть правнуков, я уже поняла, мне не посчастливится на этом свете. Дай хотя бы узнать будут ли они вообще, а там и помереть можно спокойно. Агнесса Марковна уже к ней ходила. Хвалила.

Ах, Агнесса Марковна! Эта, как бы помягче сказать, блаженная?!

– Прости, ба, а с чем ходила Агнесса Марковна? – уточняю я.

– С коммунальными платежами! – возмущенно отвечает Рудольфовна. – Ее водоканал обсчитал, будь они прокляты, так Белладонна провела обряд, и этим же вечером у Агнессы в сумочке обнаружились украденные буржуями 537 рублей. Говорю ж, она сильная, – поднимает вверх указательный палец на манер «во как».

Это жесть! Просто треш! Я не сплю, раз слышу эту несусветную ересь?!

– А сколько взяла с нее ваша сильная Белладонна?

– У нее нет тарифов. Берет, сколько дадут.

– И сколько дала Агнесса Марковна? – наседаю на ба.

Рудольфовна нервно хватает стакан с водой и делает глоток, понимая, к чему я веду.

– Ну я жду. – Складываю руки на гуди.

Ба бегаёт глазами по комнате.

– Кажется, три тысячи... – мямлит Аглая Рудольфовна. – Я не помню уже.

– Спешу тебя огорчить, но ваша Белладонна... – Какая пошлятина! – Не сильная, а хитрая. Мошенница, одним словом. Она облапошила твою Марковну в три счета.

Ба вздрагивает, как от удара током.

– Красота в глазах смотрящего, Илюшенька, – обиженно констатирует она.

С этим не спору, но...

– Это сейчас к чему было? – уточняю.

– Ты видишь во всем алчность и меркантильность. Не все люди такие. Есть те, кто приносит добро.

– И это, безусловно, ваша Белладонна? – усмехаюсь.

– Да! Она излучает свет, дает людям надежду, исцеляет...

– перечисляет ба.

И обдирает стариков! Хороша, ничего не скажешь! Н-да, кажется, Марковна хорошо промыла бабушке мозг, а той, в свою очередь, ясновидящая-деньги-мошенница.

– Окей, – неожиданно для себя соглашаюсь. – Давай сходим к твоей ясновидящей. – И я докажу Аглае Рудольфовне, что все маги, гадалки и прочая нечисть – настоящие шарлатаны. А заодно и повеселюсь. – Когда у нас прием?

– Не прием, а сеанс, – воодушевляется ба. – Завтра в 9 утра.

Что?! Во сколько?!

– Ты издеваешься?! – хмурюсь. Сегодня пятница и я планировал как минимум вернуться под утро, да еще и не один.

– У Белладонны очень плотный график, – пожимает плечами ба.

Ну еще бы! Бабки со старух грести лопатой – дело нехитрое!

– Ладно. Завтра за тобой заеду. Это все? – смотрю на время.

– Всё. Ужинать будешь?

– У меня дела. Некогда, ба. Спасибо.

Помогаю Рудольфовне подняться, чтобы она меня проводила. Обуваюсь, подхватываю брошенное пальто.

– Давай, бабуль, до завтра! Если что – звони, – берусь за дверную ручку.

– А товар? – спохватывается она.

Во! А еще жалуется на память!

Лезу в карман пальто и извлекаю два смятых лотерейных билета. Уже лет десять я неизменно снабжаю ее этой мурой. Бабуля надеется срубить джек-пот и оплатить мне ипотеку, которую я уже давным-давно погасил. Но именно об этом Аглая Рудольфовна предпочитает все время забывать.

Глава 4. Степан Васильевич

– Степан Васильич, я дома. – Закрываю за собой входную дверь и устало припадаю к ней спиной. Моя поясница отваливается, а ноги гудят так, что разгоняют дрожь по всему телу.

Прикрываю глаза, мечтая поскорее оказаться в постели. У меня нет сил принимать душ, поэтому решаю сделать это после сна. Я всю ночь проскакала в баре, который с вечера пятницы по субботу, по обыкновению, забит до потолка.

Сбрасываю реанимированные суперклеем кроссовки и поднимаю голову на звук открывающейся межкомнатной двери.

– Доброе утро.

Проигнорировав мое приветствие, Степан Васильич лениво шествует ко мне, потягивая свое тощее тельце.

Спал, засранец!

Он подходит ближе и тычет свою наглую черную морду в пакет, обнюхивая его содержимое.

– Нет там ничего. – Кроме униформы, которую я прихватила постирать. – А, чтобы было, сегодня придется поработать, – укоризненно смотрю на кота.

– Мя! – недовольно бросает Степан Васильич и делает хвост трубой, показывая протест.

– В смысле? Знаете, что? Я не могу пахать за двоих! Про-

шу заметить, что жрете, пардон, кушаете вы, Степан Васильич, поболее моего. Поэтому отработывайте харчи, – резонно констатирую.

– Мя!

– Вот именно! В девять придет новая клиентка. Работаем по отработанной схеме. А сейчас я – спать. Разбудите меня... – Смотрю на время в телефоне, показывающее пять утра. – В восемь.

Черный обормот, передернув лапой, походкой короля следует к двери своей комнаты и захлопывает её так, что картина с изображением почившей хозяйки квартиры съезжает с гвоздя на бок.

Громко выдыхаю и плюхаюсь, не раздеваясь, на проваленный допотопный диван. Он жутко неудобный, и спать на нем сравнимо с деревянной шконкой. В моей полуторке есть целая комната, в которой стоит кровать, двуспальная и, возможно, удобная. Но не сплю я на ней по двум причинам: во-первых, комнату целиком оккупировал Степан Васильевич, и на ней спит он, а, во-вторых, я бы все равно не смогла на ней отдыхать, зная, что три года назад на этой кровати умерла хозяйка квартиры Белла Мироновна, чей портрет висит в прихожей.

Эту полуторку в старой кирпичной хрущёвке я снимаю полтора года. Когда я увидела на Авито объявление, предлагающее квартиру для съема за цену, от которой мое настроение засияло ярче радуги, к тому же находящуюся вблизи от

моего вуза, я не могла поверить своему счастью. В тот момент я впервые решила, что мне наконец-то улыбнулась удача.

Целая, практически двухкомнатная квартира!

Я прилетела на встречу с хозяевами на крыльях безмерного счастья. Меня встретили с виду приличные люди в возрасте – женщина и мужчина. Они нахваливали, какая квартира теплая, не угловая, а соседи приличные. Словом, мечта!

«Так в чем же подвох, – думала я, – раз брали они за эту мечту по московским меркам копейки?».

В общем, к квартире прилагался кот. Черный старый кот, доставшийся им от бабули в наследство с жильем.

А история этого жилья такова: после смерти матери мужчины они с супругой решили квартиру сдавать. Но не с котом же? Конечно! Поэтому было утверждено отдать старого кошака в приют. На том и порешали, дело сделали! Нашли квартиросъемщиков и спокойно зажили – недолго, правда, потому что через пару недель квартиранты бежали из дома с воплями, что по ночам кто-то скребётся в их дверь.

Оказалось, что Степан Васильич каким-то образом сбежал из приюта и вернулся домой, где он прожил с Беллой Мироновной всю свою жизнь (к слову, сколько лет коту, никто не знает). Мужчина рассказывал, что его мать, Белла Мироновна, подобрала этого кота, когда он уже был немолод, поэтому в слухи о том, что у кошек семь жизней, даже я – патологический скептик – поверила.

После того как квартиранты сбежали, хозяева нашли других, но их постигла та же участь, потому что куда бы ни завозили кота, он возвращался обратно и царапал дверь с устрашающими воплями.

Тогда было решено оставить кота и сдавать квартиру вместе с ним.

Мне этот рассказ показался забавным. Просто я – скептик до мозга костей, и во всю мистическую лабуду не поверила. Тем более тогда, когда цена за съем квартиры была такой волшебной!

Таким образом, мы стали делить одну жилплощадь с котом на двоих. Первым делом Степан Васильевич отжал у меня комнату. Он сразу дал понять, кто в квартире хозяин. Честно, я и не претендовала, потому что в той комнате оставались сложенные вещи Беллы Мироновны, от которых веяло старьем и тяжелой аурой.

Мне досталась микроскопическая гостиная, служащая мне спальным местом и местом работы.

Полгода мы привыкали к друг другу и отвоёвывали территорию. Тогда мне стало казаться, что дух Беллы Мироновны реинкарнировал в кота и теперь она ревностно относится к тому, что в ее квартире поселился чужак и пользуется вещами. В итоге мы поговорили со Степаном Васильевичем по душам и пришли к консенсусу, который устраивал нас обоих. Клянусь, он умеет слушать и понимать! Когда я сказала, что, если он и дальше продолжит изводить меня своими вы-

ходками и выживать, я уйду, его отправят обратно в приют, там усыпят, а в квартиру пустят жить гастарбайтеров, но до этого сожгут всё барахло Беллы Мироновны.

На том и порешали: спальня – его, гостиная – моя, никто никому не мешает, но в дом обусловились мужиков и кошек не водить.

Степан Васильич периодически где-то гуляет, уходя ногами через балкон, таким же макаром возвращается, и где шляется в это время, он мне не докладывает. Но одно нас все-таки объединяет: работа. Но об этом чуть позже.

– Мя, мя, мя, мя, мя... – монотонно долбит в ухо.

Накрываюсь подушкой, но она уползает от меня, словно у нее есть ноги.

Не могу.

Я не могу разлепить глаза. Только же уснула. Какого водоотведения?!

– Мя, мя, мя, мя...

А-а-а-а-а!

– Заткнись! – Распахиваю глаза и встречаюсь нос к носу с черной небритой мордой. Твою ж пехоту!

Лизнув себе нос языком, Степан Васильич откидывается на бок и задирает ногу, вытягивая морду к мужским причинам.

– О, нет! Степан Васильич, я приличная девушка. Не обязательно делать это при мне, – брезгливо морщусь и вскакиваю. Это работает и заставляет мой мозг проснуться.

Вообще так он показывает, что хочет жрать. Я тоже хочу. Об этом сообщает мой булькающий желудок.

Шаркаю в кухню, замечая, что на мне до сих пор надеты свитер и джинсы. Включаю чайник, и пока он подогревается, иду в ванную.

– Степан Васильич, сколько раз можно говорить, чтобы вы поднимали крышку унитаза! – злобно рычу, замечая желтые подтеки на ободке.

Наглый котяра ходит не в лоток, к которому я его бесполезно приучала, а в унитаз. Как у него это получается, я даже себе представить не могу. И не хочу.

Принимаю душ, решая голову не мыть. Парик будет лучше держаться на лощеных необъемных волосах.

Переодеваюсь в домашнее трико и футболку.

Степан Васильич сидит на кухне за столом и выжидающе следит за моими движениями.

Открываю холодильник и долго в него пялюсь.

– Есть мышь. Будете? – спрашиваю.

– Мя?

– Ну та, которая повесилась. В холодильнике, – уточняю.

Потому что в нем пусто. Кроме заплесневелого куса чеддера и сливочного масла.

– А что вы так возмущаетесь? Вы у нас кто? Кот? Ловить мышей – ваша генетическая обязанность, а не борщи наварачивать. Вы зажрались, Степан Васильич! – причитаю я.

Смотрю в хлебницу и искренне радуюсь, когда нахожу в

ней булочку. Не первой свежести, но все-таки.

– Нам нужны деньги, Степан Васильевич, за которые мы сможем купить продукты. Поэтому сегодня работаем.

– Мя-я-у-у-у?

– Чаевые? – Вот же паразит! Знает, что по пятницам в баре хороший оброк, и не брезгует мне об этом напомнить. Чаевые я отдала Наташке. В счет прошлого долга: занимала у девчонки, когда мне срочно потребовались деньги на ветеринара. Между прочим, этому вшивому коту, который подавился костью и чуть не издох. – Ваш должок, Степан Васильевич, – укоризненно бросаю кошаре.

– Мя, – виновато накрывает лицо лапой.

– То-то же! Так-с, что у нас есть? – Открываю дверцы навесных шкафов.

Наливаю себе горячий чай, Степану Васильичу – воды в миску. Делаю бутерброд с маслом и булкой для себя, а кошаку вскрываю консервную банку с килькой в томате, заныканную мною на черный день.

Так и завтракаем.

Когда на часах время стремится к половине девятого, оголтело несусь в ванную, чтобы нанести рабочий макияж. Надеваю парик, униформу и подготавливаю комнату. Убираю все ненужные вещи, распахивая по комодам, задерживаю темные шторы и достаю рабочие материалы. Осматриваю гостиную, когда раздается звонок в дверь.

– По местам! – бросаю коту и, делано нахмутив брови,

иду открывать.

Глава 5. Потомственная гадалка в седьмом поколении

– Что-то не торопится твоя Белладонна открывать, – широко зевнув, изрекаю.

Привалившись к лестничным перилам, лениво разглядываю дверь: китайская дешевая поцарапанная «консервная банка», которую при желании можно вскрыть ножом. За такие бабки, которые она гребет, можно было и получше поставить. Или это спецом для таких, как моя ба и Агнесса Марковна, демонстрация скромного жилища? А сама, наконец, эта аферистка живет где-нибудь на Рублевке.

– Не зуди! – песочит ба.

Оглядываю Рудольфовну: приделась, губы накрасила, сумочка в тон молочным сапогам, на бледно-голубое пальто брошь прицепила. Шляпки только с цветами не хватает, и точно была бы как Королева Елизавета.

Слышу звук проворачиваемого замка.

Подбираюсь.

Дверь со скрипом отворяется, встречая нас темнотой.

Смотрим с ба в пустоту.

Это, типа, нам открыли врата ада?

Входить или что?

– Хоспади?! – Ба отшатывается и прикладывает ладонь к сердцу, когда неожиданно в проеме появляется мрачная фигура.

Женская.

– Нет. Белладонна, – представляется низким голосом. – Входите.

– Отворачивается и бесшумно скрывается в потемках квартиры.

Рудольфовна крестится, а я прыскаю в кулак.

Входим.

Закрываю за собой дверь и улавливаю сладкий запах арома-свечей. Удивительно, что не какими-нибудь дурманных сознание трав.

На стене в узкой прихожей прибиты два крючка, и мы с моей спутницей решаем, что они для верхней одежды.

Бросив на меня настороженный взгляд, Рудольфовна опасливо шаркает в сторону комнаты, из которой исходит тусклое свечение. Иду следом за ба, прижимающей к груди сумку.

Несмотря на достаточно солнечное утро, в квартире темно, и причина тому – плотные задернутые на окне шторы в комнатухе, в которую мы входим. Эту кладовку сложно назвать комнатой, когда ее стены стремятся сдавить со всех сторон, а количество барахла грозит обрушиться, как лавина с горы.

Ну и бардак!

Вожу глазами по комнате, примечая старый диван и потрепанную годами мебель. Небольшой стеклянный буфет, забитый антикварными статуэтками и фаянсом, комод, на котором наставлена куча каких-то пробирок, несколько зажжённых свечей, прибитый к стене ковер и круглый стол, за которым сидит, видимо, та самая Белладонна.

Небогато.

Но больше всего мое внимание привлекает антураж. Красота! На шторах гирляндой протянута веревка, с которой свисают искусственные летучие мыши. Задираю голову и смотрю на хрустальную люстру: огромный черный жирный паук пристроен на перекладину, и от сквозняка шевелит резиновой лапой. Оглядываю помещение и замечаю, что таких пауков здесь рассажено много.

Мне приходится сжать губы до посинения. Это мероприятие уж слишком напоминает что-то среднее между ведьминским шабашем и утренником в детском саду, где для инсталляции насобирали всякого барахла.

Потираю руки в предвкушении. Мне уже нравится эта буффонада. Даже сон как рукой сняло.

– Присаживайтесь. – Легким взмахом руки Белладонна указывает на два стула перед собой.

Выдвигаю табурет для Рудольфовны и помогаю ей усесться. Следом приземляюсь сам.

Теперь у меня есть возможность получше разглядеть шарлатанку. Блюдо с плавающими в воде свечами, установлен-

ное в центре стола, прекрасно дает мне эту возможность.

Белладонна сидит с опущенными глазами, сложив на краю стола руки, словно читая про себя молитву. Или заклятие. Или проклятие. А может, вообще спит.

А она молодая!

Я почему-то думал, что такой ерундой занимаются леди постарше, уморённые житейским опытом или как минимум окончившие факультет психологии.

Темные волосы спадают на плечи и переливаются неестественным блеском. Я не могу рассмотреть лицо, но мне виды лишь ее яркие темно-бордовые губы, близкие к черным.

Объемный грязно-коричневый балахон начинается от шеи и скрывает все тело, оставляя свободными только кисти рук, усыпанные перстнями с огромными камнями. Приглядываясь и вижу засохший клей. Эти бутафорские дешевки неоднократно приклеивались в дигель.

И я вновь прикрываю губы кулаком, чтобы не выдать свой ржач. Рудольфовна пихает меня кулаком в предплечье и смотрит порицающе.

Белладонна поднимает медленно руку и перебрасывает волосы с левого плеча на правое, открывая для нас вид на сидящего на плече мохнатого паука.

И я не выдерживаю. Маскирую смех под сдавленный кашель, получая еще один тычок под ребра. Не могу отвести взгляд от паука, который, видимо, должен служить для устрашения, но вызывает приступ истерики. Этот приступ

усугубляется поблескивающей сережкой в ухе в виде жабы.

Мать честная, где она нашла всю эту дрянь?! На распродаже в «Фикс прайсе» после Хэллоуина?

– Кого будем читать? – голосом из преисподней каркает Белладонна. Теперь уже чуть не оббосываюсь я. Ее глаза по-прежнему опущены вниз.

– Можно Булгакова, – сквозь смех выдавливаю, намекая на салат из мистики и сатиры его произведений.

Резко меня припечатывает к спинке стула. Я совершенно не ожидаю, как после моих брошенных в шутку слов эта прохиндейка распахивает глаза и прицельно смотрит прямо на меня. Жест! Ее черные глаза пугают не только меня, но и бабулю. Радужка слилась с зрачком. Контур глаз жирно обведен черным карандашом.

– Господи милостивый! – Рудольфовна вновь крестится. Не то слово, ба!

Белладонна смотрит в упор широко распахнутыми черными углями, а потом вскакивает с места.

– Кхм... кхм... – кашляет она. – Минуточку, подождите. Пожалуйста. В горле запершило. – Ее голос меняется, становясь похожим на человеческий.

Женщина стремительно уносится из комнаты, оставляя нас с ба вдвоем.

– Чувствуешь? – шепчет Рудольфовна, наклонившись ко мне и озираясь.

– Что именно?

– Сильную энергетику, – обмахивается платком ба.

– Тебе просто душно, потому что здесь реально нечем дышать. Отопление шпарит, а окно закрыто, – спешу образумить бабулю.

– Тихо, ты! – шикает на меня Рудольфовна и выпрямляется, когда в комнату входит Белладонна.

– Итак... – Она чопорно садится за стол, укладывая кисти в перстнях по краям стола. – Приступим, – опять тем же низким горловым голосом. – Что привело вас ко мне? С какими трудностями столкнулась ваша душа? Что терзает ваше бытие и мучает ночами? Я, Белладонна, мудрейшая целительница и ясновидящая, наследница уникального магического дара, потомственная гадалка в седьмом поколении, приложу все свои экстрасенсорные силы, чтобы помочь вам решить запутанные, сложные жизненные ситуации, – заученным текстом вещает аферистка и ждет, видимо, от нас рассказа, зачем мы сюда притащились.

– А чем отличается гадалка в седьмом поколении от, скажем, пятого? – решаю задать вопрос, который мучил меня это время.

Белладонна вновь бросает на меня угольный взгляд. Сложно разглядеть за тонной шпаклевки на ее лице эмоции, но каждый раз при звуке моего голоса эта ведьма вздрагивает, будто ее стул периодически подвергается электрическим разрядам.

– Кхм... – откашливается она. – Свой дар я переняла от

бабушки Беллы, – кивает в сторону. Одновременно с ба поворачиваем головы и смотрим на портрет неприятной старухи. – Она была целительницей в шестом поколении.

– Мне Агнесса Марковна рассказывала о ней, – поддакивает шепотом ба.

– Интересно! – Складываю руки на груди. – А я всегда считал, что они отличаются ценником.

Под столом мою ногу ощутимо припечатывает стопа ба. Смотрю на Рудольфовну, которая испепеляет меня грозным взглядом.

– Уважаемая Белладонна! – Бабуля решает перехватить инициативу, потому что хорошо знает меня и мое отношение к данному театру комедии. – Нам бы с внуком очень хотелось узнать некоторые моменты из его будущего, которые нас беспокоят...

– Тебя беспокоят, бабуль! – возмущенно перебиваю ее. Нормально она причесала!

Лично меня всё в моей жизни устраивает, и узнавать свое будущее я не больно-то стремлюсь.

– Илюша... – Ба поворачивается ко мне и смотрит взглядом «заткнись, сейчас я говорю».

– Кхм... кхм... кхм... – закашливается ведьма и стучит себя по груди.

– Так вот, уважаемая Белладонна: у моего внука проблемы с женщинами...

– Что?! – одновременно с аферисткой вскрикиваем мы и

удивленно смотрим друг на друга.

– Простите. – Стиснув зубы, Белладонна замолкает.

– У меня нет проблем с женщинами, – почему-то считаю важным оправдаться. Еще чего не хватало! Вот это ба выда-ла! Еще ни одна леди не ушла от меня недовольной. – Что ты несешь?! – раздражаюсь.

– Илюша, – цедит ба, меня затыкая. – Ох, дорогая Белладонна, я, возможно, неправильно выразилась! У моего внука не складывается личная жизнь. Ему тридцать лет, а он до сих пор не женат. – Прозвучало как смертельный диагноз.

– У вас, Илья Иванович? Ой, простите! – Гадалка резко закрывает рот руками и вновь вскакивает с места. – Мне нужно отойти. – И уносится.

– Ты слышал? – обращается ко мне Рудольфовна под невероятным впечатлением.

– Слышал. – Почесываю затылок задумчиво. – Ты ей называла мое отчество?

– Что ты, Илюша! – делано оскорбляется ба. – Это у нее дар. Я же говорила!

– Ну, может, заикалась и не помнишь? – прищуриваюсь.

– Я не говорила, – отнекивается ба, и выглядит она в этот момент обескураженной не меньше меня. – А куда она все время бегает? – задается очень правильным вопросом Рудольфовна. – Может, в туалет? Недержание, – предлагает бабуля как вариант.

Это вряд ли... Скорее всего, эта аферистка копает на нас

инфо. В наш прогрессивный век кибер-возможностей найти информацию о человеке при желании не составит труда. Так что этому наследственному дару я легко нахожу объяснение.

– Простите. – Бесшумно перед нами возникает Белладонна. – Продолжим. Значит, вы говорите, что у вас проблемы в личной жизни? – обращается ко мне и виновато прячет глаза.

– Я такого не говорил! В личной жизни у меня полный порядок! – раздражаюсь я и сканирующим взглядом всматриваюсь в лицо шарлатанки, стараясь узнать, насколько она осведомлена о моей личной жизни и что еще у нее на меня есть.

– Дорогая Белладонна, я – человек старый и немощный. – Бабушка показательно подергивает нижней губой. – Я не знаю, сколько Господь Бог отсыпал мне времени. Но мне очень хотелось бы узнать, появится ли у моего мальчика... – На этом слове Белладонна хмыкает. – Та, с которой он будет счастлив. – Шмыгнув носом, ба утирает платком уголок глаза, в котором сухо.

– Кхм... я вас поняла, уважаемая...?

– Аглая Рудольфовна, – представляется ба.

– ... уважаемая Аглая Рудольфовна. Мне нужно вас посмотреть. – Белладонна воровато стреляет в меня углями, стараясь не пересекаться со мной глазами.

– Пожалуйста. – Откидываюсь на спинку стула и расплываюсь в своей самой сексуальной улыбке, от которой девушки

ки сбрасывают трусики и оставляют на них номера своих телефонов. – Что снимать? – Хватаюсь за пряжку ремня.

– Кхм... кхм... кхм... – закашливается прохвостка, и я сквозь тонну штукатурки замечаю пунцовые щеки.

Даже так?! Белладонна смущается?!

А вот интересно, все эти ясновидящие товарищи занимаются сексом? Или они получают удовольствие от высшей энергии?

– Илюша, – тоном училки делает замечание ба.

– Ничего снимать не надо, – тонко лепечет девушка. – Мне нужно обменяться с вами энергий.

– Прямо здесь? На этом диване? – откровенно веселюсь я.

– Илюша! – вспыхивает ба. О да, бабуль, твой внук уже не сопливый пацан с разбитыми коленками!

– Илья Ива... кхм ... Дайте, пожалуйста, вашу руку. – Протягивает раскрытую ладонь.

– Вообще... – Задумчиво скребу подбородок. – Она мне самому нужна. Ну так уж и быть. – Под тихий смешок Белладонны вкладываю свою лапу.

От прикосновения прохиндейка вздрагивает. У нее прохладная ладошка и очень тонкая кожа, сквозь которую просвечиваются вены.

– Ваша рука тоже понадобится, – просит Рудольфовну, которая успела заскучать, потому что процесс стал происходить без ее участия.

Воодушевившись, ба подбирается и вытягивает свою су-

хожилистую конечность. Мне бы очень хотелось пошутить на тему коллекционирования человеческих костей, но, когда Белладонна крепко сжимает мою ладонь, меня пробирает, окатывая волной мурашек.

– Давайте возьмёмся за руки и образуем круг Тантры*, – вещает гадалка. – Таким образом мы воззовём сильную энергию. Закрываем глаза и пробуем расслабиться.

Моя левая рука вложена в ладонь шарлатанки, а правая начинает сыреть от соприкосновения с потливой рукой Рудольфовны. Бабуля радостно закрывает глаза и выпрямляется, давая понять, что происходящий абсурд ей нравится.

Перевожу внимание на Белладонну, которая, в свою очередь, разглядывает меня. Жду, когда она прикроет веки, но, видимо, девушка ждет того же от меня.

Ладно. Улыбнувшись, закрываю.

– А теперь... кхм... кхм... – понижает голос пройдоха, – мы все вместе протягиваем такой звук «Ом-м-м-м-м-м-м». Давайте попробуем. Ом-м-м-м...

Шта?

Приоткрываю один глаз и подглядываю. Эта девица тоже палит на меня одним глазом и ... ржет? Ржет?

Миг – и ее губы вновь принимают вид двух параллельных узких линий, пока Рудольфовна, единственная среди нас, старательно вытягивает «о-о-ом-м-м-м-м-м».

Че за фигня?! Мы на сеансе у ясновидящей или на медитации у неумелого подмастерья йога?!

– Илья Ива... э-э... Илья, я вас не слышу, давайте – «ом-м-м-м»! – Выгибает бровь и закрывает глаза.

В то время, пока они с ба усердно мычат и призывают сильную энергию, я открываю глаза и вновь шаркаю ими по комнате. Плотная занавеска слегка приходит в движение, и я невзначай улавливаю какой-то небольшой темный силуэт, проشمыгнувший от окна к дивану. Моргнув, вновь смотрю в то место, но ничего особенного не примечаю.

– Ох! – вскакивает ба, заставляя Белладонну распахнуть глаза, а меня – повернуть к ней голову. – Я почувствовала мягкое прикосновение к пояснице. Вот здесь. – Ба вырывает руку из моей ладони и показывает на спину.

– Всё правильно, – одобрительно кивает гадалка. – Так происходит пробуждение Кундалини**.

– Кунди... простите, что? – Подаюсь корпусом вперед, заставляя Белладонну смущенно приоткрыть рот.

– Кундалини. Это название энергии, которая поднимается по позвоночнику по семи чакрам, – деловито вещает шарлатанка.

– Я почувствовала! Словно лапка котенка коснулась моей спины. Даже как-то легко стало. – Ба передёргивает плечами.

– Продолжаем, – кивает Белладонна, вновь схватив наши руки.

Недоверчиво смотрю на нее и на ба. Может, они сговорились и Рудольфовна ей приплатила, чтобы разыграть спектакль и убедить меня в скорой женитьбе? Ухищрениям ба я

уже не удивляюсь.

Взявшись за руки, бабуля с Белладонной продолжают мычать, а я закрытыми глазами думаю. Думаю, что нужно заканчивать этот цирк.

– Вижу! – вдруг басом произносит ясновидящая, пугая до чертиков, и

отпускает наши руки, разрывая круг идиотов.

– Что видите? – настороженно интересуется ба.

– Вижу над вами навес безбрачия, – изрекает Белладонна и сужает глаза до черной полоски, направив на меня.

– Ах! – в ужасе вскрикивает ба и прикладывает ладонь к груди.

– Слава Богу! – выдыхаю и довольно откидываюсь на спинку стула.

– Что ты радуешься?! – возмущенно поворачивается ко мне Рудольфовна.

– Теперь у меня есть официальная отмазка, чтобы не жениться, – улыбаюсь бабуле.

Слышу приглушенный смешок напротив.

– У-у-у, балбес! – ругается ба. – Уважаемая Белладонна, а можно что-то сделать, чтобы этот навес снять?

– Уважаемая Аглая Рудольфовна. – Голос шарлатанки льется из ее рта, словно густая патока. О-о-о, ну понятно, сейчас начнётся официальная часть по разводу на бабки. – Всё не так просто.

Мой смех разрезает тишину этой богадельни. Запрокинув

голову, я смеюсь и разглядываю паука, свисающего с люстры.

– Бабуль, конечно, всё непросто. Прежде чем задавать вопрос касательно моего спасения, нужно было поинтересоваться, сколько это будет стоить. Я прав? – С вызовом смотрю в черные глаза шарлатанки.

– Ох! – подпрыгивает на стуле ба. – Дорогая Белладонна, любые деньги! Для единственного внука ничего не жалко, – утвердительно кивает Рудольфовна.

Что?! Поворачиваюсь к бабуле и хмурю брови. Ну точно, двинулась, а я пропустил этот момент!

– Я отказываюсь с вами работать. – Шарлатанка резко встает, глядя на меня.

– Ох! – Рудольфовна хватается за сердце и откидывается на спинку стула, при этом не переставая затапывать мою ногу под столом.

– Я приношу людям свет, мир и добро в их семьи, помогаю и направляю нуждающихся в личной жизни и бизнесе от всего сердца, а не в целях личной наживы. Но я никогда не смогу помочь человеку, который сам этого не хочет и ничего позитивного вокруг себя не замечает. Да вы, Илья Иванович, даже на парах ведете себя как сноб! Ой! – она смотрит на меня так, будто сама в шоке от того, что сказала.

Я смотрю на нее так же.

Какого черта?!

– Откуда вы знаете, как я веду себя на парах? – Тоже встаю, возвышаясь над столом и над ней.

На ее растерянном лице багровеет замешательство. Белладонна закусывает губу, но мой настойчивый взгляд упорно удерживает.

– Об этом мне рассказали ваши энергоинформационные потоки, – сообщает она.

– Интересно. – Складываю руки на груди. – О чем еще они вам рассказали?

– О том, что некоторым студентам вы не даете спокойно учиться. Намеренно принижаете оценки и не допускаете до экзаменов по каким-то своим принципам, – Белладонна зеркалит мои действия и вызывающе смотрит, задрав аккуратный носик.

Жабы в ее ушах покачиваются, а паук на плече угрожающе машет мне мохнатой лапой.

– Даже так? – Выгибаю бровь.

– Ты ей рассказала, что я работаю в вузе?! – злобно гаркаю и смотрю на ба сверху вниз.

– Вот те святой крест, сынок! – Бабуля поспешно крестится. – Ничего не рассказывала.

И ведь хочется верить. Но... слишком всё это странно.

– Кхя, кхё, кхе-е-е-е-е...

Втроем резко смолкаем и поворачиваем головы на странные звуки, доносящиеся со стороны, кажется, кухни. Будто кто-то давится или кого-то тошнит.

– Что это?! – шугается Рудольфовна и расправляет уши, точно заяц. – Здесь еще кто-то есть?

– Э-э-э... – Белладонна натянуто улыбается и бежит глазами по нам с ба. – Нет. Это у соседей. Стены, знаете ли, тонкие. Всё слышно, – пожимает плечами и стискивает зубы.

– А-а-а... – недоверчиво тянет Рудольфовна, а потом, бросив на меня хмурый взгляд, заискивающе лепечет: – Уважаемая Белладонна, простите, ради Бога... ох! – запинаясь и, прикрывая рот ладонями, шепчет: – А его, – указывает вверх пальцем, – можно в этих условиях упоминать?

– Кого? – непонимающе уточняет гадалка.

– Ну его, – шепчет Рудольфовна и озирается по сторонам, словно ее могут услышать спецслужбы.

– Эм...да... – мешкает.

– Хорошо. Так вот, я хочу извиниться за своего внука. – В очередной раз бабуля одаривает меня взглядом «дома получишь по жопе». – Не отказывайте нам в помощи. – Она делает жалостливое лицо, что даже я ей верю, а себя чувствую полным ничтожеством. – Кто, если не вы, ему поможет?

ЧЕГО?!

Это выглядит так, будто я венерический больной и со мной к врачу пришла мать просить о помощи разгульному сыну!

– Хорошо, – очень уж оперативно соглашается Белладонна. Усмехаюсь: кому ж хочется терять бабки!

– Что «хорошо»?! – не сдерживаюсь я и взрываюсь. – Аг-лая Рудольфовна, а ты меня спросила?! О какой помощи идет речь?! Ты просила меня с тобой сходить?! Я сходил!

Всё, офидерзейн! Хотела узнать, когда я женюсь?! Узнала! – Расставляю руки в стороны. – Никогда! И я счастлив этому! Меня всё в моей жизни устраивает! – злюсь я.

Они обе потрясённо на меня смотрят: ба – с открытым ртом, потому что она впервые видит, как я злюсь на самом деле, а шарлатанка – с распахнутыми угольными глазами.

– Лично у меня больше нет вопросов. Сколько мы вам должны, уважаемая? —Извлекаю из заднего кармана джинсов бумажник. – Ах, ну да! – наигранно бью себя по лбу. – У вас нет тарифов. Всё от чистого сердца! Ну тогда, спасибо вам от чистого сердца. – Кланяюсь в пол, попутно задевая стул, который с грохотом валится.

– Илю-ша... – заикается ба, когда я, чертыхнувшись, вылетаю из комнаты и устремляюсь в темную узкую прихожую.

И какого черта я согласился сюда припереться?! Идти на поводу у старого человека глупо, Миронов!

Пока пытаюсь попасть в рукава пальто, слышу доносящийся голос из гостиной:

– Извините, Белладонна. Вот, возьмите.

Закатываю глаза.

– Ничего не нужно, – лопочет приглушенный тоненький голос. – Я вам ничем не помогла.

Надев пальто, шарю в потемках, выискивая свои кроссовки.

– Ну как же! – Ба.

– Нет, нет, заберите!

Ох, сама невинность!

– Ну...спасибо вам, – расшаркивается перед аферисткой бабуля. – Белладонна, я хотела у вас поинтересоваться, – смущенно. – Вот то, что вы проделывали... ну поднимали там какую-то Кунилини. – Прыскаю. – Можно ли проделать данную процедуру еще? У меня межпозвоночная грыжа, и, знаете, после сегодняшнего сеанса она, на удивление, не беспокоит!

– Вы имели в виду Кундалини? – Тишина. – Эм-м... да. У вас есть мой номер телефона? Тогда запишитесь на следующий сеанс.

– Спасибо вам, Белладонна!

Ну, ба, ну, святая простота!

Выругавшись себе под нос, вылетаю из квартиры. Подожду Рудольфовну на улице и выпущу пар. Сбегаю вниз по лестнице и принохиваюсь. Шарю по стенам подъезда, по углам, которые обычно любят метить кошки, но все чисто.

Выхожу на улицу, но запах кошачьей мочи так и преследует меня. Ничего не понимаю. Ну не от меня же воняет? Обнюхиваю пальто, подмышки на всякий случай. Опускаю голову и вижу на кипенно-белых кроссах жёлтые мерзкие подтеки. Че за...?

**Целительный круг тантры используется для создания и направления огромной энергии.*

***Кундалини – в йоге название энергии, сосредоточенной в основании позвоночника человека.*

Глава 6. Студентка, официантка, ясновидящая!

Закрываю за Аглаей Рудольфовной дверь и измученно припадаю к ней спиной. Прикладываю тыльную сторону ладони ко лбу и шумно выдыхаю.

– Фу-у-у-у-у...

Давно у меня не было такого напряженного сеанса. Точнее сказать, за последний год вообще такого не было. Поначалу, когда я только входила в курс эзотерики и прочей мистической лапши, испытывала страх разоблачения, пасовала перед каждым новым клиентом и даже передвигалась по улицам, озираясь по сторонам. Казалось, что какой-нибудь обиженный или недовольный клиент поджидает меня у подъезда с целью вернуть свои деньги обратно или же просто настучать мне по голове.

В самом начале моей карьеры был такой случай.

Меня начал преследовать мужчина. Караулил у подъезда, вынюхивал за деревом и сопровождал до ближайшего магазина. Он ничего мне не говорил, не подходил и не требовал. Я пыталась припомнить его среди своих клиентов, но мужчин на тот период в моей практике ни одного не было. Со страху я даже стала носить с собой отпугиватель для собак, правда, не понимала, каким образом он мог защитить меня

от нападения человека, но мысль от том, что он в кармане, меня утешала.

Он встретил меня у двери моей квартиры. В тот момент я попрощалась с жизнью, попросила у всех обманутых мною прощения, когда мужчина начал двигаться прямоком на меня. Я даже представила, как мое обведенное мелом тело будет выглядеть здесь, на этой площадке старого дома.

Зажмурившись, я приготовилась к неизбежному, но вздрогнула от того, что мое щуплое тело сдавило в мужских крепких объятиях. Распахнула глаза и потянула носом воздух, который щекотнул мои рецепторы табачным одеколоном.

Чихнула.

Мужчина меня отстранил и полез во внутренний карман куртки. Должно быть, он решил перед совершением преступления очистить карму, попросить у жертвы прощения и дальше с покаянной очищенной душой прирезать мое тощее тельце.

Во второй раз попрощавшись с жизнью и вспомнив, что Степан Васильевич не кормлен, я зажурилась. И...

– Спасибо, спасибо вам, дорогая Белладонна! – Он схватил мою руку, душевно сжал и вложил в нее вместо ножа две пятитысячные купюры. – Вы мне так помогли, – и чуть не заплакал.

Я стояла, как сомнамбула, и хлопала глазами в непонимании и от пережитого стресса.

– Около двух месяцев назад у вас была моя жена Лариса. Помните?

Э-э-э... Нет...

Но я утвердительно кивнула.

– Уж не знаю, с какими жалобами приходила эта су... простите, сударыня. – Он гневно сжал челюсти. – Но после визита к вам она наконец-то оставила меня в покое, – радостно сообщил мужчина. – Спасибо вам! – И снова пожал мне руку, как начальник смены эффективному работнику на сталелитейном заводе.

А потом я вспомнила. Действительно, приходила ко мне одна женщина. Жаловалась на мужа, что он ее не замечает, что они постоянно ругаются и он пропадает все время на работе. Тогда я ей посоветовала уйти от неблагодарного, наплела с три короба, что вскоре она встретит свое счастье, а в несчастливом браке только пропустит свою истинную любовь.

– Вот где она мне со своими закидонами! – тем временем доказывал мужчина. —Бу-бу-бу целыми днями! И то не так, гвоздь не прибил, петуха не зарубил, и денег ей все время мало. Не хотел подавать на развод: жалко ведь дуру. Не работала она в своей жизни ни дня. Сгинула бы без меня. А потом, – разводит руки в стороны, – пришла. Такая довольная, улыбается, в кои-то веки борща наварила и говорит: «Ухожу я от тебя, Володя. У меня любовь скоро появится». Ну я и напился в тот день от радости. Машину «Весту» ей оставил,

синюю, все тряпки и украшения, квартиру со всем барахлом, а сам к матери жить ушел. Думал, что снится мне это счастье. А неделю назад встретил бывшую супругу под ручку с мужиком. Яркая такая, светится, как туфли начищенные! Замуж, говорит, выхожу. Тогда я и выдохнул свободно. Вот, возьмите. — Он сжал в моей ладони десятку и сбежал вниз по лестнице.

Я стояла ни жива ни мертва.

В тот день я поверила в свои способности, а еще в то, что нужно себя тщательно маскировать. Таким образом из блондинки я стала брюнеткой, а мои голубые глаза почернели.

И вот ведь, как оказалось, не зря! Никогда не думала, что в огромной Москве, занимаясь не самым популярным бизнесом, можно нарваться на знакомую рожу, да еще на какую! На лошеную физиономию моего преподавателя!

Хохотнув, прикладываю руки к пылающим щекам.

Да-а-а.... Под туникой с меня стекает водопад, и это не от жары — от перевозбуждения.

Это же надо! Миронов Илья Иванович, весь такой «а-ля-на-сраной-козе-не-подъедешь», пришел узнавать свое будущее вместе с бабулей! Да и, спрашивается, зачем ему узнавать? С его внешностью и достатком и так понятно, какое будущее его ждет! А вот я чуть не лишилась этого самого будущего и рассудка вместе с ним, когда услышала голос доцента. Думала, рассекретит сразу, ан нет, обошлось! Пришлось сбежать пару раз на кухню: отдышаться, проржаться, вздох-

нуть и попить воды, потому что такого сценария не увидишь даже в кино!

Эх, как же мне хотелось повеселиться над Мироновым! Точно так же, как он над студентами в вузе. Жаль, что не успела. Уж я бы нагадала ему и облысение через пять лет, и ожирение, и нестойание! За каждый поставленный им кол оторвалась! Да! И за то, что привлекательный такой гаденыш. Ибо нефиг. Нефиг таким смазливый на семинарах сидеть и неудами разбрасываться!

Заперев дверь, сбрасываю тунику и иду на кухню. Степан Васильевич сидит на стуле и нализирует свою облезлую шерсть. Заметив меня, бросает недовольный взгляд.

– Вот не надо на меня так смотреть! – Наливаю из графина воды и залпом опустошаю. — Да! Да, я не взяла с них деньги, – развожу руками.

И, между прочим, уже во второй раз за эту неделю. Ну не могу я со старушек ничего брать! Недавно приходила ко мне бабушка, сетовала и на пенсию, и на «Водоканал», который несчастную обокрал на пятьсот рублей. А я не то что взять с нее за услуги, так еще и в убытке осталась, незаметно подложив в ее сумку пятьсот с копейками рублей.

В этот раз, конечно, не только бабулька сыграла роль, а этот высокомерный индюк, мерзко указавший мне на мой крамольный интерес. И пусть подспудно это правда, но преподносить её в таком тоне на моей территории я не позволю. Пусть, вон, в институте хозяйничает!

– Но вы, Степан Васильевич, тоже хороши! – укоризненно бросаю коту. – Вы нас чуть не подставили! – тычу пальцем в наглуую черную рожу. – Опять сожрали кость? Клиенты слышали, как вы тут давились. Пришлось выкручиваться. Так что сегодня мы оба с вами облажались, Степан Васильич, – печально вздыхаю.

– Мя.

– Да.

Сегодня суббота, и это значит, что мне придется пахать сегодняшней ночью в баре за двоих, чтобы нам не помереть с голоду.

Одарив меня взглядом Рубина Артуровича, нашего главного администратора бара, когда он замечает, как я сливаю недопитое пиво от предыдущих посетителей в один бокал и приношу его другим, а оплату забираю себе, Степан Васильевич вальяжной походкой следует к себе в комнату.

Да, меня это не красит. Не красит меня и то, чем я занимаюсь здесь.

Но я выкручиваюсь, как могу. Мне никто ничего не принесет на блюдечке. И в свою Тьмутаракань я не вернусь.

Испытываю ли я угрызения совести, если, по сути, обманываю людей?

Раньше – да, сейчас практически нет.

На рынке есть два дурака: один покупает, другой продаёт. И если бы не было спроса, не было бы и предложения. В современном мире человек позиционирует себя умным, про-

двинутым существом. Из каждого водопровода трубят о мошенниках, предупреждают, как не стать жертвой аферы, но как только в один день на нас сваливается кучка неприятностей, нам легче винить заразу Ирку или Ленку, которая сглазила. Поэтому, пока вам нужен тот, кто снимет порчу, будем мы, кто с удовольствием это сделает – за ваши, разумеется, денежки!

Но! У меня есть табу! Я не беру в клиенты тяжелобольных людей, надеющихся в их непростой, а иногда неутешительной ситуации на чудо. За полтора года я научилась добывать по телефону информацию, зачем и с какой целью ко мне идут: если это какая-нибудь Светка, решившая, что ее кавалера приворожила подружка Ленка, – милости прошу. Или обиженные дамочки, которых бросил муж и ушел к другой, считающие, что на изменщика кровь из носу нужно наслать порчу – тоже ко мне! Поводим хороводы, поплюем на фотографию бывшего, и, глядишь, от сердца-то и отляжет! Так работает эффект плацебо: пошептали, за левое ухо поплевали, к нижнему месту лопух приложили, и – вуаля! – сработало! Взрослые наивны, как дети. Они сами не замечают, как вываливают мне о себе всё, а я лишь красиво и филигранно преподношу им то, что они рассказали минутами раньше, добавив парочку высокопарных стандартных выражений.

Поэтому – да, я самозванка! Я обманула раз – меня обманули два. Не я такая – жизнь такая.

Присмотрела я себе как-то босоножки удобные. Красивые

такие, легкие, сроду такие не носила. Откладывала чаевые на них, ущемляла себя во многом, а как скопила, пришла в салон радостная. Девушка-продавец мне тогда сказала: «Приходите послезавтра, на них скидка будет!». Счастливая была до страсти. Прибежала через день, и действительно скидка на них красовалась в тридцать процентов. Только вот зачеркнутая первоначальная стоимость была в три раза завышена, а цена со скидкой оказалась больше, чем была до скидки. Босоножки-то я в итоге купила, только радости от них больше не испытывала, как и угрызений совести от того, что тоже обманываю.

Помню, как одним вечерним промозглым днем пришла домой уставшая, голодная, как зверь, и с температурой. Денег даже на парацетамол не было, не то что на продукты. Завернулась в плед, свернулась калачиком и нырнула в бредовый сон. Проснулась я от мягкого давления на своей груди. Открыла глаза и увидела Степана Васильевича, переминающегося лапами на грудной клетке и урчащего, жалобно так. И глаза его помню глубокие, будто заглядывал в самую душу.

А потом он спрыгнул и мяучить настойчиво начал, мол, вставай и со мной иди. Обернулась пледом и, еле передвигая ноги, за кошаком последовала, в его комнату. Подвел он меня к старому трюмо резному, орехового цвета, и мордой в нижний ящик уткнулся. Открыла дверцу, а там коробка металлическая, от подарочного чая крупнолистового. Степан Васильевич лапой поддернул крышку, та и отскочила.

А там... Старая, несколько раз подклеенная скотчем колода карт таро, амулеты, обереги, камни, оккультная литература и тетрадь в клеточку с описанными от руки обрядами, а на дне коробки – фотография умершей хозяйки квартиры с припиской *«Потомственная гадалка в шестом поколении Белла. Просите – и получите, ищите – и найдете, стучите – и вам откроют! Никогда не бойтесь обратиться за помощью! Мои двери всегда открыты для вас, с какой бы проблемой вы ко мне ни обратились! Я приложу все силы, дабы помочь вам!»*.

В тот вечер я стала Белладонной, гадалкой в седьмом поколении.

Глава 7. Добрый вечер и спокойной ночи!

– Яна, седьмой столик. – В дверном проеме появляется уложенная гелем макушка Рубина Артуровича и тут же скрывается.

Да что ж такое! Ведь только присела!

Ударившись затылком о стену, закрываю глаза и скулю. Про себя. Моя поясница до сих пор отказывается держать меня на ногах, а три часа сна – как легкий аперитив для полноценного отдыха, который стал непозволительной роскошью.

Глаза слипаются так, что во время ожидания, пока блондинка выбирала между коктейлем «Секс на пляже» и «Кричащим оргазмом», я успела отключиться и увидеть короткометражный сон.

В итоге победу одержал коктейль «Мокрые трусики», и, что удивительно, я проснулась с одноименным ощущением у себя в нижнем белье. Только не от возбуждения, а от страха.

Просто снился мне Миронов Илья Иванович, будь он неладен: сидит за своим преподавательским столом, значит, ногу на ногу закинул, важный, как гусь, и говорит: «Ну что, Белладонна, как успехи с примером? Решили?».

И смотрит с издевкой. Взгляд такой зловещий, аж до трусов пробирает.

А я голову опустила, губу зажевала и головой покачала, мол, ничего не получается. Так этот садист наклоняется близко и голосом Люцифера в лицо мне бросает: «А что же ты, гадалка в седьмом поколении, себе ответы-то не нагадаешь, а? Уа-ха-ха!»

Бр-р, жуть!

Пощипав себя за щеки, встаю. Деваться некуда, и идти нужно, хотя все равно не понимаю, с чего вдруг я понадобилась. Сегодня в баре даже семидесятипроцентной рассадки нет, и девочки отлично справляются без меня. Я всего-то отпросилась у них на десять минут покемарить.

Поправляю красную галстук-бабочку и одергиваю черную жилетку. Наша униформа мне нравится, ничего пошлого, развратного и кричащего: черные зауженные брюки, белые рубашки, жилетки и красные бабочки. Всего в баре работает шесть девушек-официанток, считая меня. Подобрались все девчонки хорошие, правда, текучка все равно присутствует. Из старейшин – я, Наташка и Мира, а остальные девочки максимум по несколько месяцев задерживаются. Но судить их в этом я не могу, потому что работу в ночную смену осилит не каждый. По вечерам посетителей больше, чем днем, особенно по пятницам-субботам. А если в баре планируется шоу-программа, так у нас вообще не протолкнешься, и нагрузка на наши хрупкие плечи падает вдвойне.

Ну а у меня другого выбора нет: до обеда я в вузе, после обеда, если есть клиенты, принимаю на дому, а в ночную смену ношусь между столами. Да и коллектив у нас хороший. Директора я никогда не видела, а вот Рубин Артурович – свой мужик, где свои глаза на наше безобразие прикроет, а где за наши задницы грудью мохнатой встанет, и, конечно, по темечку постучать, когда перебарщиваем, не забывает. Остальной персонал бара положительный, и в трусы к девочкам руки никто не совал. Ну, кроме посетителей изрядно подвыпивших, но тут наша охрана – как состав метро: всегда вовремя и к месту поспекает.

– Решетникова, а ты чего? Вроде отдохнуть пошла. – В сторону кухни несется Наташка с полным подносом грязной посуды.

– Рубин Артурович распорядился, – пожимаю плечами.

Хватаю свой сикипер* и натягиваю дежурную улыбку, которая выработалась за годы рефлексом.

Толкаю дверь и выхожу в основное помещение. Сегодня у нас обычный вечер, потому что вчера отгрохала грандиозная вечеринка. Оглядываю зал – на танцполе всего две девушки: одна дрыгается, вторая ее снимает на телефон, ослепляя бедняжку вспышкой.

Хохотнув, следуя к седьмому столику, стараясь не хромать.

Эх, вклинило поясницу, сил нет! Надо Степана Васильевича попросить за сервелат, чтобы потоптался по ней.

Оживляю планшет и смотрю на двух мужчин, сидящих за столиком и листающих меню.

Мой тормозной путь стремится попасть в книгу рекордов Гиннеса, потому что я останавливаюсь как вкопанная.

Где-то я читала, что вследствие чрезмерной усталости у человека могут возникнуть галлюцинации. Видимо, конкретно сейчас со мной именно это и происходит, раз в двух посетителях за седьмым столиком я узнаю Миронова Илью Ивановича и ... Приглядываюсь, чтобы окончательно удостовериться в начинающейся шизофрении, потому что вторым мужчиной оказывается сам декан моего института. Что?!

Моргнув пару раз, убеждаюсь, что у галлюцинаторных образов слишком громкие голоса, а у одного, который мой преподаватель, слишком сексуальный смех.

Какого небритого?!

Не понимаю.

Он что, отслеживает меня?!

Слишком доцента Миронова стало непозволительно много в пределах моего существования: на занятиях меня изводит, в моем доме уже успел побывать, в сны за каким-то бесом пробрался, так еще и на работу ко мне притащился!

Да что же это такое?! Издевательство, не иначе!

Столько лет работаю в этом баре, но ни разу не встречала здесь знакомого. Во-первых, в Москве моих знакомых-то можно пересчитать по пальцам, да и те, кто имеются, по та-

ким местам ходить не будут: ценник в нашем баре выше среднего, а контингент здесь собирается далеко не простой.

Я всегда была спокойна насчет того, что кто-нибудь из института меня сможет узнать. Преподаватели-старички вряд ли трясут стариной под попсу в ночном баре, а у моих одноклассников штанов вместе с трусами и повышенной стипендией не хватит, чтобы оплатить себе выпивку или закуску.

А этот... приперся...

Хотя, с другой стороны, вести у нашей группы занятия Миронов стал только с этого семестра, и, возможно, он был частым посетителем нашего заведения, просто я его раньше не знала.

Прижимаю планшет к груди и стремительно разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, пока Миронов меня не заметил. Декан, уверена, даже понятия не имеет о такой студентке, как Яна Решетникова, а вот его собеседник...

Несусь в сторону дверей и почему-то про себя проговариваю молитву при изгнании дьявола, которую вычитала в талмуде покойной Беллы: «Избавь род человеческий от пленения дьявольского, избави раба от всякого действия духов нечистых, повели нечистым и лукавым духам и демонам отступить от души и от тела раба твоего».

ТЬФУ!

Три раза «тьфу»!

Смотрю прямо перед собой и выхватываю глазами Наташку, воркующую с барменом Мишей.

Подлетаю к коллеге и утаскиваю ее за локоть за барную стойку, сдвигая Миху.

– Янка, что за прикол?! – хохочет Наталья, но послушно прячется вместе со мной под столешницей.

– Тихо, ты! – шикаю на девушку, будто сквозь долбящую музыку нас смогут услышать.

Осторожно выныриваю из-за стойки, выглядывая одними глазами, а нос оставляю под столом.

– Иди сюда, – подзываю коллегу. – Вон, видишь тех, за седьмым столиком? – киваю на смеющуюся парочку из доцента и декана.

– Тех красавчиков? – Глаза Натахи вспыхивают заинтересованным огоньком.

Смотрю на девушку злобно.

Красавчиков?!

А потом, подумав, решаю, что она не виновата в том, что не знает, какой Миронов засранец. И, если бы я тоже не знала, возможно, посчитала бы так же.

А вот декан... Вновь смотрю на Александра Сергеевича. Никогда не рассматривала его как мужчину. Я, когда случайно в коридорах вуза или в деканате его встречала, смотрела на него как на нечто ученое и неприкосновенное. Никогда бы не подумала, что наш декан может вот так сидеть в баре, без костюма и очков. Слышала, что Александр Сергеевич – ходячий мозг и кандидат чего-то там. Он выигрывал неоднократно научные гранты и имеет вагонетку степеней и званий.

И у меня в голове не укладывается, как этот кандидат кандидатский может иметь обычную человеческую жизнь. Он разве не робот?

– Обслужи их столик, Натуль? – Делаю максимально жалостливый взгляд, которому научилась у Степана Васильевича, когда он не поднимает крышку унитаза и выхватывает из-за этого от меня. – Пожалуйста! – умоляюще складываю руки.

– А ты сама почему не хочешь? – удивляется Наташка. – Такие няшные, еще и на чаевые, уверена, раскошелятся!

И тут мой гадкий смех не остается незамеченным от бармена Михи.

Ага, раскошелятся! Не знаю, как насчет декана, а вот от Миронова даже сухого «спасибо» не дождешься!

Но об этом я Натахе не скажу.

– А я сегодня не в ресурсе, – демонстративно хватаюсь за спину и поднимаюсь. – Уй! – Прикладываю ладонь ко лбу и обкладываю столешницу литературным трехэтажным.

– Ну как хочешь! – расцветает Наташа и забирает из моих рук планшет. – Пошла!

Удовлетворённо кивнув напарнице, выныриваю из бара и трусцой направляюсь к дверям, ведущим в нашу служебную подсобку.

– Ты куда? – Не успеваю забежать в дверь, как руки Рубина Артуровича ловят меня в кольцо.

– Э-э-э... – включаю мозговой генератор. – Рубин Арту-

рович, н-не могу. —Обхватываю живот обеими руками. — Живот болит, тошнит. — Сгибаюсь пополам.

Одним глазом подсматриваю за старшим админом, на лице которого появляется гримаса отвращения.

— Отравилась, что ли?

— Наверное, — стону я и хватаюсь за горло, показательно демонстрируя, что меня сейчас стошнит.

— Иди, Решетникова, домой и лечись, — морщится Рубин Артурович.

О, даже так? А я всего лишь хотела откосить от обслуживания седьмого столика.

Мысленно довольно потерев ручки, еле передвигаю ногами и с характерными звуками иду в служебку, как слышу вдогонку:

— А вот нечего после клиентов со столов обьедки до-едасть! — кричит Рубин Артурович.

Чувствую, как к горлу по-настоящему подкатывает тошнота от сказанных админом слов. Фу!

Вообще-то такое было всего пару раз. И я ничего не до-едала, а всего лишь собрала в пакетик мясную нарезку для Степана Васильевича, к которой огромная компания ребят практически не притронулась.

В подсобке ускоренно переодеваюсь, запираю форму в шкафчик, беру рюкзак и выхожу в коридор.

Для персонала в баре существует отдельный выход, но прежде чем покинуть заведение, я решаю заглянуть в зал и

еще разок взглянуть на своего преподавателя. Озираясь по сторонам, чтобы не быть пойманной админом, проскакиваю к бару. Мишаня усмехается, когда видит меня под барной стойкой, прикладываящую палец ко рту:

– Тс-с-с, – шепчу ему.

– Миш, для седьмого еще не готово? – слышу голос Наташи.

– Делаю, – отвечает Мишаня.

Что она спросила? Для седьмого столика?

– Пс-с! Пс-с, – прячась за огромным пивным резервуаром, окликаю коллегу. – Наташ!

– Яна? – Наташа перегибается через стойку и удивленно смотрит на меня. – Ты до сих пор там сидишь?

– Наташ, – игнорирую вопрос, – эти напитки для седьмого столика? – киваю на бумажный чек, лежащий на стойке.

– Ага, – кивает Натаха. – «Белая лошадь» для красавчика в белой рубашке, «Карибское сокровище» – для сладенького в черном джемпере. – Наташка мечтательно закатывает глаза.

А я закатываю пренебрежительно.

Ну еще бы! В черном свитере – не кто иной, как Миронов Илья Иванович, и неудивительно, что этот мажорик заказал себе такой же смазливый коктейль, как он сам.

– Так, ладно, Миш. – Наташка нервно постукивает ногтями по глянцевой поверхности. – Подойду через пару минут. Меня хотят за вторым, – уносится.

Вновь выглядываю из-за стойки и смотрю на доцента.

Смеется, гаденыш. Весело ему, отдыхает! С утра настроение мне испортил, заработка лишил, так теперь еще и без чаевых оставил!

У-у-у, ненавижу!

И тут меня озаряет!

Усаживаюсь на корточки и рыскаю в рюкзаке.

«Да где же вы?! – Шарю рукой по дну сумки, встречаясь с насмешливым выражением лица бармена.

– Ведь точно помню, что где-то здесь завалялись».

Есть!

Пальцы нащупывают картонную упаковку!

*«Капсулы Бисакодил», ** – читаю.*

Они, родимые!

Эх, как же хорошо, что я их не выложила!

Месяц назад Степан Васильевич страдал запором. Свезила его к ветеринару, и выписали моему болезному этот лекарственный препарат. Врач тогда разъяснил, что он отлично подходит престарелым кошкам, на что Степан Васильевич оскорбился. И вот, не помню почему, но к моему счастью, а к мироновскому несчастью, из сумки я так это слабительное средство не выложила.

Дождавшись момента, когда Мишаня полез в холодильник за льдом, я со скоростью света вскрываю капсулу и не раздумывая высыпаю в коктейль для доцента.

«Уа-ха-ха!» —Теперь уже я голосом Люцифера злобно

смеюсь.

Ну что, Илья Иванович, доброго вам вечера и спокойной ночи!

**Сикипер – разговорное наименование планшета для принятия официантом заказа у посетителя и передача информации о заказанном меню на кухню.*

*** Бисакодил – слабительное средство.*

Глава 8. Встретились как-то доцент и профессор...

– Каждый день концерты мне устраивает! – сокрушается друг. – Прихожу домой уставший, жрать хочу, как собака, а она мне с порога: «Опять со своими студентками развлекался?!»! – пытается спародировать голос своей супруги Саня. – И эта еще... на разогреве ей поддакивает, – ядовито бурчит он.

– Кто? – спрашиваю.

– Так теща.

– Прошу прощения. Повторить? – в который раз певучим голоском спрашивает хорошенькая официантка с именем Наталья на бейджке.

Вообще в этом баре все девчонки ладные, словно их отбирали из фотомоделей. Возможно, я бы с ней сегодня замутил, но она положила свой цепкий глаз на моего друга, которому, в свою очередь, на нее до лампочки.

Сейчас он ненавидит весь женский свет, и эту Наталью, уверен, тоже.

Мой друг Саня изрядно надрался, но у него есть на то причины, и я его полностью поддерживаю.

– Двойной, – кивает Наталье и несколько раз неудачно

протыкает шпажкой кубик сыра.

По количеству выпитого мы с Саней идём вровень, но он пьет чистый, а я бодряжу себе льдом. Это ему скоро ехать на каторгу, а у меня грандиозные планы на ночь, где мне нужна относительно трезвая голова и бодрый стояк.

На столе вибрирует телефон Санька. Друг матерится и закатывает глаза. Это уже пятый звонок. За десять минут.

– Да! – рывкает друг, но уже не так активно, как десятью минутами раньше. Его челюсть еле ворочается, и мне вдруг становится жалко Александра Ерохина, декана факультета урбанистики и городского хозяйства.

Я не видел таким товарища... пытаюсь припомнить... И понимаю, что не видел таким дерганным и нервным всегда ответственного, сдержанного, предельно собранного Александра никогда. Саша Ерохин третий год возглавляет Институт и по сей день является самым молодым руководителем вуза. Но даже за время напряженной работы в должности декана, пройдя адамы круги аккредитации и лицензирования, даже тогда Сашка был спокойным как удав.

Мы дружим, не соврать, девять лет. Познакомились в магистратуре. Два года в магистре были самыми отвязными в наших жизнях с Саней. Потом вдвоем поступили в аспирантуру, и там я понял, что наукой сыт не будешь. И ушел в бизнес. А друг закопался в учебе, защитил диссертацию на соискание ученой степени, получил ученое звание доцента, затем – профессора, и в итоге дорос до декана. В тот же год

он женился. Для меня все прошедшие три года брак Саши и Оли казался на небе окрещенным. Помню, каким счастливым выглядел друг и как уверял меня, насколько ему в семейных узах комфортно. А сегодня эти прочные узы трещат и грозят тяжелым разводом. По крайней мере, за этот вечер из уст Ерохина подобные фразы я слышал неоднократно. Не знаю, что случилось с их идеальной семьей, но именно гибнущий брак Ерохиных стал для меня жирной конечной точкой.

– Я сказал, что скоро приеду. Не начинай. – Друг прикрывает трубку ладонью, преграждая звук бьющей по башке музыки. – Оля! – предупреждает он супругу. – Да! Да! Я с бабами. Со студентками, именно! Сколько их? Сейчас посчитаю! Так... – делано задумывается Санька. – Шесть. Их шесть, Оля. По три нам с Илюхой на каждого. Довольна? Ты это хотела услышать?

Усмехнувшись, качаю головой.

И вот нафига?! Нафига, спрашивается, оно надо?! Чтобы потом вот так мучиться? Ревность, истерики, слезы – нет, такое не для меня. То ли дело я – никому ничем не обязан, никому не должен и сам ничего не требую взамен.

Сашка раздраженно нажимает отбой и отбрасывает телефон. Рыщет осоловелыми глазами по столу в поисках выпивки, но в наших стаканах пусто.

– Задолбала! – плюется он. Вот, а когда-то на секунду оторваться друг от друга не могли! – Ну ты представляешь,

Илюх, эта ненормальная считает, что я только и делаю, что студенток окучиваю. В кишках сидит уже своей ревностью! Да у меня свободного времени нет, чтобы новости в интернете почитать или отлить сходить, а не то что кого-то там клеить! – Это точно: друг зарывается в бюрократии. – Выдра болотная! – Вот, а когда-то была «заей любимой»!

– Тогда уж речная, Сань! – усмехаюсь я. – Выдры в болоте не водятся. Ты же профессор, Ерохин. стыдно не знать, – подшучиваю над другом, стараясь разрядить обстановку.

– А ты не умничай! Я тебя сколько уламываю защищаться? – вдруг перепрыгивает товарищ.

Да, было дело. Только за каким лесом мне оно надо?! Я и так каждый год веду с другом борьбу на тему моего увольнения.

Честно? Я работаю в вузе только из-за него. Мне даром не сдались те гроши, которые я получаю в должности доцента. Я даже не помню, на какую карточку приходит моя преподавательская зарплата.

Я имею действующий, успешно развивающийся бизнес в сфере тепловодоснабжения. Моя фирма проводит установку и монтаж оборудования для отопления и обеспечивает полный сервис оказываемых услуг. Но каждый год я поддаюсь уговорам Ерохина, филигранно облизывающего мое эго тем, что кроме меня такого специалиста, имеющего опыт в экономике и управлении промышленным предприятием, во всей солнечной системе нет. И да, порой я тщеславен. Но уже в

сентябре месяце, когда новые студенты сдают первую контрольную точку, я глубоко сожалею о своем решении и каждый раз обещаю себе, что этот год станет последним.

– Думаешь, рыбки на кандидата технических наук будут лучше клевать, чем на доцента? – перевожу в шутку и поигрываю бровями.

– Да на твою смазливую рожу будут клевать, даже если ты будешь ассистентом! – усмехается друг.

Телефон Ерохина вновь неистово вколачивается в поверхность стола, и сквозь мобилу я ощущаю, насколько смертельно заряжен звонящий абонент.

– Слушаю! – Сашка хватается трубку и, прикрывая свободной рукой ухо, встает из-за стола. Губами шевелит, мол, скоро вернется, и уходит.

Вот так и пропадают нормальные мужики!

Снова обвожу помещение бара взглядом. Вяло сегодня. Даже поохотиться не на кого.

Ерохин возвращается через несколько минут злой как черт:

– Короче... – Он почесывает затылок. – Тут такое дело... – мнется. – пора мне, Илюх, не обессудь. – Ну понятно. Сам, значит, меня выдернул, и сам же кидает. – Всю плешь проела, зараза! – Достает из бумажника пятитысячную купюру и бросает на стол. – Знал бы заранее, чем всё обернется, век бы не женился! Жаль, что нельзя заглянуть в будущее. Ну так без обид? – протягивает руку.

– Без обид, – пожимаю в ответ.

Друг испаряется так же быстро, как охмелел.

Сiju в глубоком одиночестве, и что-то такое зудящее не дает мне покоя.

«Знал бы заранее, чем всё обернется, век бы не женился! Жаль, что нельзя заглянуть в будущее».

А, собственно, почему нельзя?

Действительно, было бы полезнее для всех – знать заранее и соломку потом вовремя подстелить, чтобы потом вот так не мучиться.

Смотрю на часы – 22.30, время практически детское, вечер все равно уже испорчен, да и продолжения, судя по сегодняшнему контингенту, не намечается, поэтому оживляю экран и собираюсь дозвониться до ба, чтобы номерком одним разжиться, да вовремя понимаю: время-то детское, а Аг-лая Рудольфовна далеко не девочка. Трехсотую серию, поди, «Великолепного века»* во сне уже видит.

Вместо дозвона вызываю через приложение такси, и каким-то необъяснимым образом пальцы сами автоматически знакомый адресок набирают. Тот, который утром на своем навигаторе вбивал.

Расплачиваюсь. Набрасываю пальто. Выхожу на «свежий» московский, с примесями смога, воздух. Чувствую, как начинает кружить. Тряхнув головой, замечаю свое такси.

Сажусь, откидываюсь на спинку кресла, и... темнота.

**«Великолепный век» – турецкий сериал, выходивший с 2011 по 2014 гг.*

Глава 9. Ночной визитер

– Степан Васильевич... – Поворачиваю голову к сидящему рядом сожителю. —Вы как думаете?

Забравшись с ногами на диван, пью чай с лимоном, макая в него печенку. Рядом зевает кошка, но стойко составляет мне компанию по просмотру старого сезона «Битвы экстрасенсов» *, где очередной всевидящий угадывает, в багажнике какой машине спрятался человек. В кошачью миску налито молоко, а на салфетке разложены оставшиеся не съеденными два соленых крекера в виде рыбок.

– Мя-я-уи-и!

– «Жигули»? Ну не знаю, не знаю, – качаю головой, прихлёбывая чай. – Мне кажется в красном Ниссане.

Подпрыгиваем с Васильичем на месте, а у меня носом идет чай, когда наш уютный субботний вечер прерывает настойчивый звонок в дверь.

И прямо такой дерзкий, словно за дверью незваному гостю невтерпёж.

Смотрим с котом друг на друга.

– Кто это? – испуганно спрашиваю у кошака. Бросаю взгляд на старинные часы, показывающие одиннадцать часов вечера. – Вы кого-нибудь ждете?

Степан Васильевич хмурит брови, а я вдруг понимаю, ка-

кую чушь спросила. От страха рассудок помутнел. И картинки перед глазами моментально неутешительные всплывают: как недовольный клиент пришел со мной разбираться.

«Ох, Янка, чувствую, закрывать тебе надо твое нелегальное индивидуальное предпринимательство, пока тебя не повязали!»

– Ладно, без паники, – успокаиваю кота, а у самой сердце заходится от страха.

Может, ошиблись дверью. В нашем подъезде семейка алкоголиков живет на четвертом этаже, так к ним часто собутельники наведываются, а дверь у меня с ними на площадке одинаково располагается.

Но я все равно крадусь. Поскрипываю половицами. Чертыхаюсь, вспоминая нерадивых хозяев, которые поскупились сменить деревянные полы.

Свет не включаю. Только как это может мне помочь, я пока не решила.

Подойдя к двери, убираю заслонку и привстаю на носочки. Прикрываю левый глаз, а правым прижимаюсь к глазку. Что?!

Хлопаю зенками.

Промаргиваюсь и вновь припадаю к глазку.

Стоит.

Зажимаю обеими руками рот, чтобы не выдать звук потрясения, рвущийся из моего неверующего нутра. Приваливаюсь спиной к двери и смотрю вперед, где в дверном про-

еме на меня пялятся два мерцающих огонька.

Кошмар!

Прикладываю ладонь к груди, понимая, что это глаза Степана Васильевича в потемках светятся.

Сзади в дверь начинают долбить, и я отскакиваю под испуганное мяуканье Степана Васильевича.

Вот же гад доставучий!

Миронов.

Снова явился.

Да что же это за рок надо мной?! Мне уже начинает казаться, что это на меня кто-то порчу навел. В виде Миронова Ильи Ивановича.

Ой, мамочки!

Зачем он снова приехал? И почему находится в это время у моей квартиры, а не сидя на унитазе? Таблетки не подействовали? Маленькая дозировка? Где я прокололась? А потом меня осеняет, что время действия препарата наступает через шесть-десять часов.

– Степан Васильич, там этот клиент, который утром был с бабулей, – шепчу коту и киваю через плечо. – Что делать будем?

Два горящих зрачка вспыхивают, и я успеваю только заметить пятки котяры, скрывающиеся за дверью его комнаты.

Вот же предатель вшивый! Ну ничего, я тебе припомню, старый обормот трусливый!

Так, что нужно делать? Мечусь в панике глазами по при-

хожей.

– Сейчас полицию вызову! – слышу за дверью голос соседки справа. – Совсем уже обнаглели, алкаши проклятые! – ругается Нина Никитична. – Ваши на четвертом якшаются, а здесь студентка живет! – Ох, Нина Никитична, ну что же вы меня так подставляете?! Вы еще имя мое назовите и специальность, на которой учусь. – Ну-ка, пьянь подзаборная, проваливай подобру-поздорову!

Э-э-э... это она про Миронова? Если бы все алкаши выглядели как он, в мире бы алкоголизм прогрессировал с космической скоростью.

Мой сердечный ритм стремится к мировому рекорду.

Из-за двери доносится невнятное бурчание моего преподавателя, которое я не могу разобрать.

Крепче прижимаюсь ухом к двери:

– Что ты там бормочешь, алкоголик проклятый?! У-у-у, как же вы надоели! Развели тут притон?! Что?! Какая ясно-видящая?! Совсем мозги пропил! А с виду приличный мужчина. Тьфу! Срамота! Яночка тут живет. Умница, студентка...

«О, Господи!

Ангидрит твою перекись марганца!

Яна, думай, думай!»

Но на ум приходит одно: сигануть со второго этажа и бежать... в свою деревню.

Шум в подъезде растет в геометрической прогрессии и

обещает перебаламутить всех жильцов.

«Черт!

Черт бы вас побрал, Илья Иванович!»

Щелкнув замком, открываю дверь и, не высовываясь, втягиваю за рукав своего преподавателя, пока он препирается с соседкой, стоя ко мне спиной.

Он что-то бурчит, но я задвигаю Миронова своим телом и выглядываю в щелку:

– Это мой брат, – виновато шепчу одними губами потрясенной соседке. – Он из армии только вернулся. В горячей точке служил. – И, улыбнувшись, захлопываю дверь.

Врать – это моё всё. Главное – чтобы Миронов этого не расслышал, а то слух у него, как у дельфина. Во время выполнения контрольных успела узнать.

В прихожей стоит могильная тишина. Кроме нашего с Мироновым дыхания и моего колотящегося пульса ничего не слышно.

– Почему так темно? – вкрадчиво спрашивает Илья Иванович. – Эй!

«Эй»?! Ну и хамло невоспитанное! А еще доцент!

– Проходите в комнату, – понижаю голос до максимум возможного.

– Я ничего не вижу, – сообщает Миронов каким-то уж странным голосом. Принюхиваюсь и понимаю. Он что, пьян? – Где вы? – Меня задевает его рука, и я резко отшатываюсь, пригвоздившись к двери.

Зачем он приехал?

Напился, осмелел и решил разделаться с неугодной шарлатанкой? Или узнал меня?

Что же делать?! Что же делать?!

– Идите на свет. – Так и просится добавить «там вас встретят», но я затыкаюсь. Надеюсь, Миронов не настолько пьян, чтобы не распознать намеков на струящийся проблеск от работающего телевизора в зале. – Я сейчас подойду.

В темноте слышу его шаги, а потом вижу фигуру, скрывающуюся в гостиной.

Облегченно выдыхаю.

Ух! Квест уровня профи!

Так,

с этим разобрались. Что дальше?

Усиленно напрягаю мозги.

В таком виде перед доцентом появляться нельзя.

Балахон в гостиной в шкафу, косметичка в комод, парик там же – плохо.

Дальше.

Мыши с пауками развешаны, на столе старенький ноутбук вроде закрыт, учебники сложены в тумбочке – хорошо.

«Господи! – Закрываю лицо ладонями. – Когда моя жизнь превратилась в цирк?

Даю себе две секунды передышки, а затем ныряю в ванную, припомнив, что черные линзы находятся там на полочке.

Ну хоть что-то.

«Работай, Яна!»

Руки дрожат так, что с трудом удастся надеть линзы с пятого раза. Смотрю на себя в зеркало и тяжело вздыхаю: узнает как пить дать. И даже черные глаза не спасут от разоблачения. Мои светлые волосы, отсутствие макияжа и сверхуникальная память Миронова совместно с его гипертрофированной внимательностью к сказанным моей соседкой словам выдадут меня с потрохами. Остается одна надежда на его нетрезвое состояние, но полагаться конкретно на это непредусмотрительно.

«Думай, Яна!»

Рыскаю по полкам навесного шкафчика.

О!

В глубине нахожу смятую угольную маску-пленку для лица. Это то, что нужно! Радостно взвизгиваю и мысленно благодарю Наташку, что несколько лет назад подарила всем девочкам-официанткам на Восьмое марта эту бессмысленную вещь. Я такими вообще не пользуюсь, но сегодня оказалось, что в этой жизни ничего не бывает просто так.

А, кстати, сколько ей лет?

Переворачиваю пакетик, и мое настроение, которое до этого поднялось на ступеньку выше, падает стремительно вниз: срок годности истек год назад.

Черт!

Но выбора у меня нет, и я надеюсь, что моя кожа не облезет вместе с маской.

Распределив пленку так, как указано на упаковке, снова смотрю на себя в зеркало.

Уже лучше!

И страшнее! Вкупе с черными глазами я выгляжу, как старая обугленная чугунная сковородка.

Осталось решить вопрос с волосами. Но здесь сойдет обычное полотенце, которое я заматываю на голове в виде тюрбана.

Мрак.

Надеюсь, доцент не окочурится от страха, увидев меня в таком виде. Стать причиной его кончины – не то, о чем я мечтала, переехав в Москву.

Ладно, больше Миронова держать одного в комнате нельзя, а то, кто его знает, может, уже шмонает по тумбочкам.

Аккуратно выныриваю из ванной. Бесшумно крадусь к залу и выглядываю из-за дверного проема. Илья Иванович, подсвеченный голубым светом от телевизора, озадаченно смотрит вверх. Что он там увидел?

Прослеживаю за его взглядом и хмыкаю, когда понимаю, кто поглотил внимание моего принципиального преподавателя.

Мохнатый паук! Ой, мне и самой он дико нравится! Купила его на барахолке в прошлом году за копейки. Глаза у него будто живые. Смотрит так выразительно, что кажется

настоящим.

Слегка откашливаюсь, чтобы оповестить о своем присутствии Миронова, а то я и так переживаю за его психическое состояние после того, как он увидит меня. Опускаю подбородок – так удобнее делать голос низким – и вхожу в комнату.

Вопреки моей заботе Илья Иванович заторможенно поворачивает голову и бесстрастно смотрит на мое лицо, слегка сдвинув брови к переносице. Потом, почесав подбородок, опускает взгляд вниз.

Вот человек удивительный! Да с такой нервной системой только в Call-центре работать, причем в отделе жалоб и претензий!

– Мило, – невозмутимо изрекает Миронов, останавливаясь глазами ниже уровня моего угольного лица.

Мило?

Наклоняю голову, чтобы разглядеть то, что показалось Миронову во мне милым.

Моя пижама... с надписью: *«Доцент тупой!»*. **

О, Господи! И как я не обратила на это внимания в ванной?

Руки непроизвольно дергаются, чтобы прикрыть провокационный принт, но я вовремя себя торможу, стараясь не краснеть. Хотя под черной маской вряд ли возможно разглядеть, как мои щеки горят красным перцем.

Эту пижамку я заказала на сайте. Она мне попала как

раз в тот день, когда Миронов первый раз впорол мне неуд. Ух, как я была на него зла! Хотелось хоть как-то насолить Илье Ивановичу. Кто ж знал, что чуть позже мне представится шанс получше.

– Перенимаете опыт? – кивает на экран телевизора, где участница шоу закатывает глаза и бьется в конвульсиях, призывая духов помочь ей с предстоящим заданием.

«Очень смешно, Илья Иванович!»

Хватаю пульт и выключаю.

– А где ваша ряса с этим... — Показывает на паука с люстры. — Членистоногим на плече?

Он явился в ночь, чтобы об этом спросить?!

– Вы считаете, что я должна круглосуточно ходить в мантии? Я такой же человек, как вы и любой другой – «Только хитрее», – мысленно проговариваю. – Мантия – такой же атрибут, как, скажем, свечи или карты таро, помогающие настроиться на сверхчувствительные волны моего собеседника.

О, как задвинула! Порой я себе удивляюсь. Откуда во мне такой талант к вранью и фантазии, непонятно!

– И, между прочим... – решаю продолжить: слишком мне нравится, как Миронов увлеченно меня слушает. На занятиях не замечает, да и на семинарах ни каждый студент имеет смелость раскрыть перед ним рот, а тут вон как уши развесил! Разве можно упускать такую возможность: Яна Решетникова читает лекцию Миронову Илье Ивановичу! Где бы

записать дату этого великого дня?! – Я уже собиралась отдыхать и гостей не ждала. – Отодвигаю для себя стул и сажусь за стол под изучающим взглядом доцента. – А вы, Илья Иванович, перепугали весь подъезд, и я глубоко надеюсь, что для этого у вас были серьезные причины.

Миронов соловело осматривается по сторонам и находит за своей спиной диван. Сердце подпрыгивает и устремляется в пятки, когда вспоминаю о нашей вечерней трапезе со Степаном Васильевичем и замечаю ее улики, опрометчиво брошенные впопыхах.

«Непростительно, Яна! Недальновидно!»

Илья Иванович небрежно шмякается лепешкой на диван и откидывает голову на спинку. Его блуждающий взгляд по верхней части моей пижамы мне не нравится. Любопытно-мужской и слишком откровенно-навязчивый. Почему он не смотрит на мою физиономию, которую, к слову, неприятно стянуло, что мешает мимике? Мне даже разговаривать становится сложно, словно меня окунули в бочку с цементом и он моментально высох.

Миронов смотрит на ту часть моей фигуры, на которую обычно заглядываются озабоченные мужики, когда летом я надеваю маечку. Преподаватель за таким замечен не был, потому что несколько раз я приходила в универ в мини и с глубоким декольте, но паслись в нем все, кому от четырнадцати до бесконечности, кроме Ильи Ивановича, которому интересна, вероятно, всего одна часть человеческого тела – мозг.

Но с этим у меня, по его мнению, проблемы.

Опускаю стянутую маской рожу вниз и чуть не теряю линзы.

Сквозь тонкий хлопок пижамки у меня проступают соски. Мать моя старородящая женщина!

Стыд-то какой!

«Это что еще за новости, Решетникова?!»

Это от страха! Не каждый день на пороге своего дома встречаешь ненавистного преподавателя, к тому же во второй раз за этот самый день.

А этот, который развалился, тоже хорош, пес похотливый!

– Значит, говорите, что вы такой же человек, как любой другой? – И бродит глазёнками своими полупьяными от открытых ключиц до груди, при этом липко улыбаясь.

– Конечно. —Скрещиваю руки, чтобы спрятать острые вершинки. Подумает еще чего ненужного. – Мы отличаемся только индивидуальным даром, посланным свыше. Вот вы, например, имеете острый ум, а я обладаю экстрасенсорными способностями, – уверенно лью в уши.

Миронов с любопытством подается корпусом вперед, сощуривая глаза:

– Откуда вы знаете, что я обладаю острым умом?

– Вижу! – не теряюсь я.

– Где видите? —Э-э-э... В смысле, где?

– Вам этого не понять. У меня возникают обрывки картинок, которые я умею правильно растолковывать.

– Хорошо, – кивает он, будто в моем ответе его все устраивает.

Хорошо... Да о такой оценке Янка Решетникова на семинаре даже мечтать не может, а Белладонна так легко проходит мионовские испытания! Ну что за несправедливость?!

– Что еще вы видите? – Зевнув, Миронов потирает глаза, а затем промаргивается, словно борется с собой, чтобы не заснуть.

«Э, нет, уважаемый Илья Иванович! Это моя прерогатива спать на ваших лекциях, а на моих будьте добры слушать!»

– Вижу, что ваши энергетические каналы...

– Простите, – перебивает меня Миронов, трясая головой. – Можно у вас воды попросить? А потом мы с вами побеседуем про мои каналы, – он широко зевает, прикрывая рот ладонью, – которых, оказывается, несколько, когда я всегда считал, что имею основной один, – нагло улыбается и пристраивает голову на спинку.

Вот еще чего не хватало! В двенадцатом часу ночи обсуждать с преподавателем его основной канал! Я ему не личный психолог! Еще и водички имеет наглость просить!

Ничего я ему хорошего не хочу делать! Пусть мучится сушняком, никто его пить не заставляет!

Но потом вспоминаю известную фразу, что нельзя просящему отказывать в воде, огне и соли, даже, если этот просящий – твой ненавистный препод, а я, как-никак, целительница, несущая добро людям. Поэтому встаю и иду в кухню,

чтобы напоить незваного ночного гостя.

Наливаю в чашку Степана Васильевича воды, представляя, как брезгливый Миронов будет пить из миски кошака, и тихонько хохочу.

– Пожалуй...ста, – запинаюсь.

Положив голову на локтевой сгиб, наблюдаю, как Илья Иванович, мой несговорчивый преподаватель, мирно спит, еле слышно посапывая.

** Битва экстрасенсов – российское антинаучное телешоу канала ТНТ, участники которого изображают обладание так называемыми «сверхспособностями».*

*** Доцент тупой – ставшая крылатой фраза из миниатюры М. Жванецкого «Авас», написанной в 1969 году для спектакля «Светофор» Театра миниатюр А. Райкина*

Глава 10. Доброе утро!

Вздвогнув, выныриваю из сна.

Чувствую, как кожа на шее покрылась испариной, а живот болезненно скручивает. Пульс частит, отдаваясь болью в виске. Крепко зажмуриваюсь, чтобы прогнать из них фантазмагорию двух страшных черных морд: одна такая мохнатая, а другая – как иссохшая мумия.

Мне ни разу в жизни не снились кошмары. А этот такой явственный: я прямо кожей ощущал, как эти две морды на меня смотрели, и голос отчетливо слышал: «Ну и что с ним будем делать?» – сказала растрескавшаяся глина мохнатой роже, да так правдоподобно, что я чуть во сне от страха не обделался.

Или не во сне?

Громко булькнув, живот схватывает спазмом.

Доброе утро, блин!

Когда позыв в туалет повторяется, сил терпеть не остается, поэтому опускаю ноги с кровати и открываю глаза.

Что, черт возьми?

Шарю отупело по захлавленной комнате, которая даже близко не моя. От слова «совсем» не моя. Зажжённые свечи и знакомый антураж нерадостно подсказывают, где такие дешевые декорации мне уже приходилось видеть.

Какого черта?!

Обхватив голову ладонями, упираюсь локтями в колени. Вчера я не настолько надрался, чтобы сегодня ничего не помнить. Так каким образом я оказался в логове шарлатанки? Напрягаю мозги, но они отказываются включаться, что несказанно меня настораживает.

Спазм в животе закручивает с новой силой, и я вскакиваю. Откуда-то за прикрытой межкомнатной дверью доносится тихий голос. Я иду на него, обхватывая руками живот.

Надо валить!

Не помню, каким образом оказался здесь, однако я обязательно это выясню, но позже, потому что сейчас мне срочно нужно попасть в священное место.

Выхожу из комнаты и попадаю в микроскопический коридорчик, по всей вероятности, ведущий в кухню. Именно отсюда доносится тонкий мелодичный голос, который привлекает мое внимание. У Белладонны есть дочь, сестра?

Аккурат в проеме останавливаюсь и наблюдаю за девушкой в коротких домашних шортах, открывающих бомбический вид на стройные бледные ноги. Я веду глазами по ним вверх, забывая об урагане в животе, ощущая шторм в джинсах. Двигаюсь по изящной спине, по открытым плечам, на которых рассыпаны блестящие темные волосы.

Девчонка колдует над древней двухконфорочной газовой плитой, подпевая себе под нос. О чем она там пищит, я не разбираю, потому как вновь рассматриваю стройные худенькие ножки.

А когда девушка начинает вращать бедрами, видимо, в такт мелодии, которая слышна только ей, я залипаю основательно. Что за очаровательная кудесница в этом чистилище?!

–А-а-а-а-а! – Оглушающий визг пронзает мои перепонки, отчего я слегка теряюсь в пространстве.

Меня возвращает в тот момент, когда в лицо мне прилетает кухонная перчатка-прихватка. Поднимаю глаза и матерюсь вслух, бросая в чудовище перчатку, спасая свою жизнь.

Девушка, вжавшись спиной в плиту, испуганно пучит чернящие глаза и хватается бордовыми губами воздух.

– Черт бы вас побрал! Напугали! – причитает ... Белладонна?

То есть обладательницей сногшибательного тела сзади является аферистка Белладонна?

Ее грудная клетка часто вздымается вместе с двумя окружностями, маняще призывая в них заглянуть. Я и заглядываю. Нормально она себе наколдовала: размер так третий.

– Аналогично. – Отрываю взгляд от «мячиков» и смотрю в угольные глаза шарлатанки, пытаюсь разглядеть в них дно.

Белладонна выдергивает наушники, не переставая наблюдать за мной, впрочем, как и я за ней.

– Вам не говорили, что подглядывать нехорошо? – делает мне замечание и отворачивается к плите.

Только сейчас мой нос улавливает запах еды. Не знаю, какое зелье она там варит, но пахнет аппетитно.

– А что, ясновидящая не видит... – Опускаю взгляд на ее миниатюрную попку, спрятанную в шорты... – Спиной? Или не распознает приближающиеся энергетические потоки?

Она поворачивается с выражением на расписном лице, в котором отчетливо читается: «Ты идиот?!»

– По-вашему, на мне установлены датчики движения? – Она выключает плиту. Усмехаюсь. А эта проныра за словом в карман не полезет! – Мы такой мизерной информацией не обладаем. Мы смотрим глобальнее.

Хочу открыть рот, чтобы задаться волнующим меня вопросом о том, каким чудом я здесь оказался, но не успеваю, потому что меня прошибает ознобом и очередным тянущим спазмом.

– Вы куда? – слышу в спину.

Я вылетаю из кухни, как пробка из теплого шампанского.

В прихожей рыскаю по полу, отыскивая свою обувь. Если я сейчас же не свалю, то нагло обещецу унитаз Белладонны, чего делать мне совершенно не хотелось бы.

Что я вчера мог такого сожрать? Никогда со мной подобного не происходило. Неловкость происходящего усиливает безвыходность моего положения. Искры сыплются из глаз, когда терпеть становится невозможно.

– Можно воспользоваться вашей туалетной комнатой?

Замечаю, как насмешливо дергается бровь Белладонны, но заикливаться на этом у меня нет времени и терпежа. Если она мне откажет, то... черт, тогда не знаю, что я сделаю,

поэтому, если она действительно умеет считывать информацию, то пусть лучше считает её правильно и благоприятно для меня!

– Можно. Прошу, – показывает на дверь рядом с кухней.

– Спасибо! – Пулей устремляюсь в туалет и закрываю за собой дверь на замок.

Думать о стеснении и абсурдности положения мне некогда, когда взрыв обещает быть мощным.

Я, Миронов Илья Иванович, доцент кафедры экономики и управления на предприятии, руководитель успешно развивающейся компании, человек, имеющий квартиру в престижном районе Москвы и трусы за тысячу баксов, сижу на старом унитазе в какой-то халупе и думаю о том, когда моя жизнь превратилась в дерьмо. В буквальном смысле.

Несмотря на то, что эта квартира слезно просит качественного ремонта, здесь чисто. Еще будучи на кухне, я успел заметить, как блестят начищенные поверхности. Как ни странно, но чувства брезгливости у меня нет. Возможно, я еще не совсем зажрался и не испортился деньгами, а возможно, в меня слишком проросло мое детство, в котором был точно такой же унитаз и наставленные на стиральную машинку разноцветные тазы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.